

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Жанровая специфика «ПОВЕСТИ О ВЕЛИКОМ МИРЕ»

В. Н. Горегляд
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

Большая часть XIV в. в японской истории известна как Эпоха Южной и Северной династий (*Намбокутё дзидай*). В 1318 г. под именем Годайго на престол был возведен второй сын императора Гоуда тридцатилетний принц Такахару. Вместе с престолом новый император получил в наследство власть чисто номинальную. Фактической же властью обладали в то время *сиккэны* из рода Хōдзё. Двор Годайго стал центром, вокруг которого начали группироваться противники Хōдзё, чьей столицей был г. Камакура на востоке страны, на берегу Тихого океана. Кроме придворной аристократии в состав оппозиции вошли феодалы из юго-западных провинций и крупные буддийские монастыри, владевшие большими и боеспособными военными дружинами.

Первый заговор Годайго был раскрыт в 1324 г., но самому императору тогда обвинение в его организации предъявлено не было. В 1331 г. Годайго предпринял еще одну неудачную попытку выступить против *сиккэнов*, бежал в древнюю столицу Японии г. Нара и в следующем году был сослан на о. Тибури в архипелаге Оки. Многие его сторонники были казнены.

В 1333 г. Годайго бежал с места ссылки и снова занял престол. Однако его противники за два года до этого, как только мятежный монарх оставил Киото, под именем Кōгон (1312—1364) возвели на престол нового императора. Страна на десятки лет погрузилась в пучину гражданской войны. «Повесть о Великом мире» начинается с первого заговора императора Годайго и на две трети посвящена перипетиям этой войны, точнее говоря — событиям 1318—1367 гг. (противостояние Южного и Северного двора закончилось в 1392 г.).

Большинство исследователей считают, что «Повесть» написана в начале 70-х годов XIV в. Ее относят к жанру воинских повествований (*гунки*), широко распространенных в средневековой Японии.

В «Дневнике» Левого министра Северного двора Тōин Кинсада (1340—1399) автором «Повести о Великом мире» назван Кодзима-хōси. Воин и поэт Имагава Рёсюн (1329—1414) в «Нан Тайхэйки» (1402 г.) в качестве ее автора указал Энтина, священнослужителя из буддийского храма Хоссёдзи. Некоторые особенности самого произведения говорят о том, что создавал его не один автор и что его создание не было единичным актом.

С одной стороны, «Повесть о Великом мире» обладает характерными признаками устного героического сказания. Это гиперболизация физических данных и сноровки героя, идеализация характеров, подробное перечисление деталей вооружения воина, собирающегося на битву, называние героями собственного имени и упоминание ими имен нескольких поколений собственных предков перед началом схватки, описание однотипных положений и использование формульной техники устного повествования.

Отсутствие стилевой унификации в «Повести» проявляется уже при беглом ознакомлении с ее стилем изложения. Стиль устного повествования в этом произве-

дении совсем не выдержан. Очень часто он сменяется сухим стилем письменного изложения, насыщен китайской лексикой; временами *канамадзирибун* (гетерографическое письмо с чередованием слогового письма с иероглификой) сменяется *камбуном* (китайскими фразами, снабженными особыми значками для чтения их японски), что, несомненно, говорит о «кабинетном» происхождении соответствующих фрагментов текста. Обилие вставных эпизодов, прямо заимствованных из китайских исторических сочинений (главным образом, из «Записок историка» Сы-ма Цяня) и буддийских легенд, частые отсылки к именам китайских исторических деятелей и упоминания китайских и индийских географических названий, а также употребление китайских образных выражений и иносказаний говорят о том, что их включение в текст производилось людьми, искушенными в китайской учености. Разнотильность, наблюдаемая во многих частях «Повести о Великом мире», свидетельствует о том, что письменная ее обработка производилась разными людьми и на протяжении длительного времени.

Те же обстоятельства отразились и на проведении авторами «Повести» общих идей. Они делятся на два типа. Начальные части пронизаны конфуцианскими идеями вассальной преданности сюзерену, мудрого управления подданными, связи законов Неба с порядками в Поднебесной. В соответствии с этими идеями расположен материал, им же подчинены и авторские ремарки. В других частях произведения изложение и трактовка событий подчинены буддийским идеям кармы и эфемерности сущего — тем идеям, которые играли ведущую роль в первых *гунки*.

Событийная основа «Повести» лежит в тех реальных событиях, которые происходили в Японии XIV в. Основные ее герои — исторические лица, биографии которых можно выяснить по другим письменным источникам, в том числе историческим хроникам. Изложение сверхъестественных событий (вроде эпизода с *ямабуси* из 2-й книги) так искусно вплетено в описания реальных, что воспринимается на одном с ними уровне, причем сухой стиль отдельных фрагментов и частые отсылки к японским, китайским и индийским прецедентам такому восприятию способствуют. Поэтому в Японии долгое время бытовало отношение к «воинским повествованиям» как к исторически достоверному материалу. Уже в наше время стали публиковаться исследования, опровергающие его справедливость. Особенно много отступлений от истины содержится там, где приведены данные о количестве участников битв, живых и погибших.

Можно полагать, что основной корпус «Повести о Великом мире» с его отсылками на прецеденты, отступлениями от основного сюжета, рассуждениями и т. п. был сконструирован достаточно образованными книжниками. В него были вписаны бытовавшие в устной традиции сказания на темы о событиях эпохи Южной и Северной династий. Эти сказания были расположены в хронологическом порядке, скреплены между собой по тематическому признаку и обработаны в соответствии с основными идеями памятника. Доля устных сюжетов в последних разделах «Повести» заметно понижается.

«Повесть о Великом мире» — одно из самых крупных произведений в истории японской литературы. Появлению многочисленных редакций она обязана, по-видимому, не только долговременному устному бытованию, но и многочисленности сознательных письменных обработок. Отсюда разница в объеме редакций и в составе вошедших в каждую из них глав.

Русский перевод 1-й книги этого произведения опубликован в 1992 г. во 2-м выпуске «Петербургского востоковедения». В публикуемой ниже 2-й книге рассказывается о заговоре императора Годайго против диктатуры *сиккэнов* Хōдзэ в начале 30-х годов XIV в.

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ МИРЕ

Книга вторая

1. О поездке государя к Южной столице и Северному пику

В 4-й день 2-й луны 2-го года эры Гэнтоку¹ государь, призвав к себе главу Ведомства дознаний, ответственного за августейшие выезды, советника двора, вельможного Мадэнокодзи Фудзифуса², молвил ему:

— В следующую луну, в 8-й день, должен состояться наш выезд в Великий храм Востока и в храм Счастья³. Надлежит сейчас же отдать распоряжения отряду сопровождающих.

И тогда Фудзифуса, справившись о старинных обычаях и продумав церемонии, определил, каковы будут облачения сопровождающих и порядок шествия по дорогам. Сасаки, владетель провинции Биттё, как офицер дворцовой охраны пересек мост; воины от сорока восьми сигнальных костров надели доспехи и шлемы и усилили охрану перекрестков. Три министра и девять вельмож⁴ следовали свитой, сотни правительственных и тысячи местных чиновников выстроились в ряд, и была эта церемония несказанно торжественной.

Тот храм, что нарекли Великим храмом Востока, был построен по августейшему обету императора Сёму⁵ для первого в Джамбудвипе⁶ будды Вайрочаны⁷, а тот, что нарекли храмом Счастья, — по обету князя Танкай⁸. Был он великим храмом служителей для почитания рода Фудзивара, поэтому многие поколения мудрых правителей задавались целью именно здесь скрепить связью причин всех своих потомков; однако же нелегкое это дело, выезд Единственного!

Поэтому-то и не было многие годы церемонии высочайшего выезда для обозрения храмов. И оттого, что вращал государь колеса фениксовой своей колесницы, преемствуя то, что прекратилось еще до августейшего его правления, поднимая то, что брошено было, монахи-воины в ликовании сложили ладони и соединились с лучезарностью добродетелей животворящего Будды. Вот что удивительно: не возглашал ли шум бури с горы Весеннего солнца вечное от сего дня благоденствие? А северная Волна глициний, нанизав на себя тысячу лет, обрела глубокую тень в ту весеннюю пору, когда распускаются цветы⁹.

В ту же луну, в 27-й день, государь совершил выезд на гору Хиэй¹⁰, и там совершены были приношения и служба в павильоне Великих размышлений. Тот павильон был построен по августейшему обету императора Фукакуса¹¹ для статуи Махавайрочаны — будды Всеобщего осияния Великого Солнца. Но с тех пор, как тот павильон был воздвигнут, в нем не провели еще ни одной службы с приношениями, но звезды и иней, сменяя друг друга, годы собой громоздили, и вот:

Черепичная крыша разбита, и вечным своим фимиамом
курится туман сквозь нее.
Рухнули створки дверей, и над ними луна
как бессменный светильник висит.

Оттого и стонали все монастыри долгие-долгие годы, как вдруг велено было произвести большие строительные работы, и скоро всё подготовили к приношениям и службе. Тогда расправились брови у служителей всего монастыря, и склонили они головы в девяти его храмах.

Наставником, возглашавшим церемонию, был тогда монах-принц крови Сонтё из храма Удивительного Закона, а возглашающим благопожелания — тогдашний настоятель, монах-принц крови Сонъун из Великой пагоды ¹².

Во время возглашения славословий Будде цветы Орлиного пика ¹³ уступили им свой аромат, а в том месте, где распевались восхваления добродетелям Будды, их сопровождало эхо с горы Юйшань ¹⁴. Когда же заиграли мелодию, красотой своей останавливающую облака, а танцующие отроки взмахнули, как снегом кружащимся, рукавами, сотворилось так, будто сотни зверей начали ладный танец, а птица Феникс прилетела сюда к торжеству. Когда главный жрец святилища Сумиёси ¹⁵ поднялся на гору, чтобы ударить в барабан, на столбе монашеской обители он начертил слова песни:

В прежних жизнях исполнив обеты,
Эту гору в награду за это увидел и я.
Может быть, уж посеяны семена,
Из которых вырастут будды
Ануттара-самьяк-самбодхи ¹⁶ —
Превыше всех и воистину просветленные!

Должно быть, это была песня, сложенная в память о старинном предании о тех далеких временах, когда при основании этого монастыря великий наставник Дэнгё-дайси ¹⁷ обращался к буддам *самьяк-самбодхи*, превыше всех и воистину просветленным, с молением:

— Окажите милостивое покровительство лесом покрытой горе, на которой я стою!

Итак, после годов Гэнкō ¹⁸ государь скорбел, подданные его были опозорены, а в Поднебесной опять не было спокойствия. Случаев высочайшего выезда много было и прежде, но если бы мы спросили, чем ныне вызвано мудрейшее желание государя отправиться в поездку по Южной столице и Северному пику ¹⁹, то могли бы услышать, что за последние годы монах в миру, владетель провинции Сагами ²⁰, в своей безнравственности превзошел самого себя. И что, поскольку оравы варваров ²¹ — это люди, следующие одному только воинскому приказу, они ни за что не отзовутся на высочайшее повеление, как его ни возглашай. Что, лишь поговорив с большим скоплением служителей из Горных врат и из Южной столицы, организует государь заговор для того, чтобы покарать восточных варваров.

Из-за этого принц Второго ранга из Великой пагоды²², который изволил тогда занимать пост настоятеля, с этих пор равно забросил и благие деяния, и совершенствование в учении, но с утра до вечера не имел иной заботы, кроме одного лишь стремления к воинской доблести.

Может быть, это происходило оттого, что так вести себя ему нравилось, но в ловкости он превосходил даже легкого и быстрого Цзян Ду²³, так что не всегда были для него чрезмерно высоки ширмы в 7 сэки. По части рубки он сумел постигнуть воинские установления Цзы Фана²⁴, так что нельзя сказать, будто он не использовал хотя бы одно из тайных сочинений. Такой удивительный настоятель не заступал на это место от самого начала патриархов тэндай со времен Гисин-касё²⁵. Позднее, мысленно все сопоставив, люди поняли, что для покорения восточных варваров он ступил на путь воинского искусства, закалившего его благородную плоть.

Примечания

- ¹ 4-й день 2-й луны 2-го года эры Гэнтоку — 21 февраля 1330 г.
- ² Мадэнокодзи (Фудзивара) Фудзифуса — приближенный императора Годайго, в 1335 г. постригся в буддийские монахи в храме Китаяма.
- ³ Великий храм Востока (Тōдайдзи) — храмовый комплекс буддийской секты кэгон в г. Нара. Храм Счастья (Кōфукудзи) — храмовый комплекс буддийской секты хоссō в г. Нара. Оба комплекса обладали крупными военными силами.
- ⁴ Согласно китайской традиции, три министра — это высшие чиновники в придворной иерархии: Первый (Великий) министр (Дадзё дайджин), Левый (Садайджин) и Правый (Удайджин) министры. Девять вельмож — представители девяти знатнейших аристократических родов.
- ⁵ Император Сёму пользовался славой благочестивого буддиста. Правил в 724—748 гг.
- ⁶ Джамбудвипа (санскр.; яп. Эмбудай) — в старину одно из названий Индии, распространенное впоследствии на все страны буддийского мира. Здесь: Япония.
- ⁷ Будда Вайрочана (санскр.; яп. Бирусяна, Русяна, Дайнити) — «солнечный» эпитет Будды. Здесь имеется в виду статуя Большого Будды, установленная в храме Тōдайдзи в 746 г.
- ⁸ Танкай — посмертное имя Фудзивара Фухитō (659—720), Правого министра, деда императора Сёму по материнской линии.
- ⁹ Гора Весеннего солнца — синтоистское святилище Касуга, сооруженное у подножья горы в окрестностях Нара в 710 г. Фудзивара Фухитō. Родовое святилище Фудзивара. Волна глициний — одна из четырех ветвей («Северная») рода Фудзивара, достигшая расцвета и вершины могущества в эпоху Хэйан (IX—XII вв.). Здесь речь идет о том, что с тех пор, когда вооруженные отряды буддийских храмовых центров Тōдайдзи и Кōфукудзи котей весной 1330 г. согласились поддержать императора Годайго в его борьбе против властей Камакура, у придворной аристократии появилась надежда на возврат «золотого века» древности и всевластия дома Фудзивара.
- ¹⁰ Гора Хэй (Хиэйдзан) расположена к северо-востоку от г. Киото. На ней с конца VIII в. размещается огромный буддийский храмовый комплекс Энряку-

дзи, включающий около 3000 строений и располагавший значительными финансовыми и людскими ресурсами.

- ¹¹ Император Фукакуса — имеется в виду император Ниммё (834—850), похороненный в Киото, в квартале Фукакуса.
- ¹² Сонтё — монашеское имя принца Мунэнага (1312—1385), Сонъун — монашеское имя принца Морианага (1308—1335), сыновей императора Годайго, возглавивших в 1331 г. вооруженные отряды монахов из Энрякудзи, выступивших против диктатуры рода Хōдзё. Оба принца сыграли важную роль в борьбе придворной аристократии за свержение Хōдзё.
- ¹³ Орлиный пик или Вершина Священного орла — гора, где будда Шакьямуни читал свои последние проповеди. Вместо приношений слушатели осыпали его цветами.
- ¹⁴ Гора Юйшань находится в Китае, в провинции Шаньдун. По преданию, один из поэтов эпохи Вэй (III в. до н. э.), гуляя на горе Юйшань, услышал с неба голос Брахмадэвы, божества одного из высших миров. В подражание звукам этого голоса сочинили мелодию буддийских славословий.
- ¹⁵ Сумиёси — синтоистское святилище в г. Осака, в квартале Сумиёси. Главными его жрецами из поколения в поколение были представители рода Цумори.
- ¹⁶ Ануттара-самьяк-самбодхи (санскр.; яп. *анокутара самьяку самбодай*) — высшая и непреходящая мудрость; совершенное просветление.
- ¹⁷ Дэнгё-дайси (букв.: Великий наставник, передающий Учение) — посмертное имя основателя буддийской школы тэндай и монастырского комплекса Энрякудзи Сайтё (767—822).
- ¹⁸ Годы правления под девизом Гэнкō — 1331—1333 гг.
- ¹⁹ Южная столица — Нара, столица Японии в 710—784 гг. Северный пик — буддийский храмовый комплекс Энрякудзи на горе Хиэйдзан к северу от Киото. Другое его обозначение — Горные врата.
- ²⁰ Имеется в виду сиккэн (фактический правитель Японии) из рода Хōдзё.
- ²¹ Оравы варваров — презрительное название дружинников-самураев, бывшее в употреблении среди жителей столицы.
- ²² Принц из Великой пагоды — сын императора Годайго принц Морианага (Сонъун).
- ²³ Цзян Ду — китайский ван (династия Ранняя Хань, 202 г. до н. э.—8 г. н. э.), который, по утверждению японского поэта и филолога Минамото-но Ситагō (911—983), был так ловок, что без труда перепрыгивал через ширмы высотой в 7 сэки (совр. 7 сяку, ок. 2 м 12 см).
- ²⁴ Цзы Фан (настоящее имя Чжан Лян) — приближенный императора Гао Цзу (II в. до н. э.).
- ²⁵ Согласно «Записям о патриархах тэндай» (*Тэндай-дзасу ки*), Гисин-касё (781—833) был 1-м настоятелем Энрякудзи, а Сонъун — 116-м.

2. О том, как монахов арестовали и препроводили в Рокухара, и о том, как Тамэакира сложил стихотворение

Легкость, с которой становится известно о деле, — это пособник бедствия, поэтому раз за разом и доходили до Кантō¹ слухи о поведении принца из Великой пагоды, о том, что при дворе проводятся обряды для гибели заклятого врага. Монах в миру, владетель провинции Сагами, сильно разгневавшись, воскликнул:

— Нет-нет! Пока сей государь занимает свой августейший пост, Поднебесная не будет спокойна. В конце концов, государя, по примеру переворота годов Сёккю², следует отправить в отдаленную провин-

цию, а принца из Великой пагоды предать смертной казни. Но прежде всего, в ближайшие же дни, нужно схватить тех, кто служил в особенной близости к лику дракона³ и посылал проклятия нашему дому, — святейшего Энкана из храма Хоссёдзи, Монкан-сōдзё из Оно, Тикё из Южной столицы, Тёэна из храма Чистой земли — и выпытать у них все подробности!

Имея при себе такой воинский приказ, Никайдō Симоцукэ-но-хōган и Нагаи, губернатор провинции Тōтōми, вдвоем прибыли из Кантō в столицу. Едва лишь оба посланца прибыли туда, государь стал терзать себя одной мыслью⁴: «Какие же еще последуют грубые распоряжения?» И вот, на заре 11-го дня 5-й луны в качестве посланца прибыл Сайга Хаято-но-сукэ. Он арестовал и препроводил в Рокухара⁵ трех человек: святейшего Энкана из храма Хоссёдзи, Монкан-сōдзё из Оно и Тёэн-сōдзё из храма Чистой земли.

И хотя бывший среди них Тёэн-сōдзё не принадлежал к числу тех людей, о которых говорили, будто они совершают обряды проклятия, ибо он обладал добродетелью обширной учености явных школ⁶, его тоже схватили, полагая, что и этот священнослужитель, близко прислуживая своему государю, непосредственно слышал все распоряжения, которые государю благоугодно было произносить, — начиная с заупокойной службы в зале для проповедей храма Горных ворот, — а потому вряд ли де не знает, кого поддерживают толпы монахов. Не только эти люди, но и еще двое — Тикё и Кёэн были вызваны из Южной столицы и тоже отбыли в Рокухара.

И еще взяли господина Тамэакира, генерала Нидзё, — как человека, искусного в поэзии⁷, его приглашали во дворец на собрания по случаю стихотворных турниров лунными ночами и снежными утрами, когда одних поэтов хвалят, других порицают⁸; кроме того, ему беспрестанно доводилось присутствовать на августейших пирах. Его взяли несмотря на то, что он не был в числе людей, названных подозрительными, — чтобы допросить о намерениях государя, — и поручили это дело некоему Сайтō.

Поскольку в отношении пяти священнослужителей поступило, должно быть, распоряжение сразу же вызвать их в Кантō, до чрезмерных допросов в Рокухара не дошло. В отношении же господина Тамэакира поступило такое распоряжение: прежде всего, учинить ему допрос в Киото, а буде признается, — переслать его признание в Кантō. Распорядившись учинить дознание, власти были уже готовы отдать приказ о пытках.

В Рокухара, в северном дворике, наложили углей, устроили нечто вроде возвышения с очагом для чана горячей воды, а сверху уложили рядами лучину из молодого бамбука; если ее чуть приоткрыть, сквозь щель вырывается и с силой полыхает жаркое пламя. Двое из тех, кто с утра до вечера носит платье разных расцветок⁹, встали в ряд слева и справа от возвышения, чтобы растянуть узнику обе руки и принудить его идти поверху. От одного только взгляда на это у людей тает печень¹⁰, и тогда они думают: «Такое, видимо, случается только то-

гда, когда у грешника, повинного в четырех тяжких и пяти великих грехах ¹¹, станут сжигать плоть в пламени „Сжигающего жара“ и „Великого сжигающего жара“ ¹² и когда он встретится с истязаниями, что творят быкоголовые и конеголовые ¹³».

Увидев это, господин Тамэакира попросил:

— Есть ли у вас тушечница?

Решив, что она нужна ему для признания, принесли тушечницу и вдобавок к ней писчей бумаги, но Тамэакира начертал совсем не признание, а стихи:

Так о чем же я думаю? —
Думаю, спросят меня
Не о судьбах поэзии
Нашей страны Сикисима ¹⁴,
А о волнениях зыбкого мира.

Увидев эти стихи, Токива, владетель провинции Суруга ¹⁵, запечатлел в своем сердце восхищение и, проливая слезы, склонился к справедливости. Два посланца с Востока, прочтя их, оба увлажнили свои рукава слезами, так что Тамэакира избежал пытки водой и огнем и был признан невиновным.

Стихи и песни — это утеха двора, а луки и кони — пристрастие воинов, поэтому у них не обязательны владение искусством шести поэтических стилей и изящный вкус, и все-таки из-за чувства, вызванного одним этим стихотворением, были остановлены мучительные пытки, а сердца восточных варваров смягчились. Это потому, что в природе всего лежит воздействие одних вещей на другие. «Не что иное, как поэзия, без усилия приводит в движение Небо и Землю, пробуждает чувства невидимых взору богов и демонов, смягчает отношения между мужчиной и женщиной, умиротворяет сердца яростных воителей», — писал Ки-но Цураюки в предисловии к «Старым и новым японским песням» ¹⁶. Думаю, что к тому основания есть.

Примечания

¹ Кантō — восточные районы Японии. В переносном смысле — сёгунское правительство.

² Во время переворота годов Сёкё (1221) Хōдзё Ёситоки захватил власть, отправив в отдаленные провинции в ссылку трех императоров одного за другим.

³ Лик дракона — особа императора.

⁴ Буквально: «Терзать свою государеву душу».

⁵ Рокухара — столичный район, в котором располагались сёгунские службы. В переносном смысле — сёгунская управа в г. Киото.

⁶ То есть не был сторонником «тайных школ», придающих особое значение оккультной практике, в том числе наговорам и проклятиям. К таким школам принадлежала, в частности, и тэндай, центр которой располагался в мятежном комплексе Энрякудзи, главном оплоте противников Хōдзё.

⁷ Имеется в виду Фудзивара Тамэакира (после пострига взял монашеское имя Тонъя), знаменитый поэт того времени, один из составителей антологии «Син вака сёисё».

- ⁸ Речь идет о придворных поэтических турнирах, участники которых состязались в умении сложить стихотворный экспромт на заданную тему, а специальная комиссия оценивала экспромты. Тамэакира часто входил в состав таких комиссий.
- ⁹ Разноцветное платье носили мелкие чиновники и челядинцы в домах поместных феодалов.
- ¹⁰ У людей тает печень — люди теряют сознание.
- ¹¹ В буддизме четыре тяжких греха — прелюбодеяние, воровство, убийство и ложь; пять великих грехов — убийство отца, убийство матери, убийство архата, пускание крови из тела будды и нарушение гармонии среди священнослужителей.
- ¹² Сжигающий жар и Великий сжигающий жар (будд.) — названия двух из восьми миров преисподней (6-го и 7-го), где из тела грешника и из всех окружающих его предметов вырываются языки жаркого пламени.
- ¹³ Быкоголовые и конеголовые — демоны-мучители преисподней с телом человека и головой быка или коня.
- ¹⁴ Сикисима — поэтическое название Японии.
- ¹⁵ Токива, владетель провинции Суруга, — Токива Норисада, тогдашний глава ведомства Рокухара. Происходил из рода Тайра.
- ¹⁶ Ки-но Цураюки (859?—946) — крупнейший поэт, прозаик и теоретик японской поэзии. Автор многих стихотворений и предисловия в антологии «Собрание старых и новых японских песен», в котором излагает свои взгляды на историю и сущность японского поэтического искусства. Русский перевод см.: Собрание старых и новых японских песен «Кокинвакасю» / Пер. со старояп. А. Долина. Т. 1 — 3. М., 1995.

3. Трое священнослужителей направляются в Кантō

В 8-й день 6-й луны того же года посланцы с Востока, сопровождаая трех священнослужителей, направились в Кантō.

Тот, кого называли Тьюэн-сōдзэ, в качестве ученика Дзисэ-сōдзэ из храма Чистой земли держал экзамен по разбору десяти спорных тем и был ученым, не имевшим себе равных в своем монастыре. Тот, кого называли Монкан-сōдзэ, сначала жил в храме Цветка Закона в провинции Харима, но по достижении зрелого возраста переселился в храм Дайгодзи и стал Великим *адзяри*¹ — главным наставником аскетов в сингон, школе Истинного слова, а потому, заняв место главного служителя храма Востока и настоятеля храма Дайгодзи, сделался столпом Четырех видов мандалы и Трех таинств². Тот, кого называли высокоумудрым Энканом, сначала занимал место среди горной братии³, и вряд ли был во всем монастыре блеск таланта, равный блеску его таланта в обоих учениях — явном и тайном⁴, и похоже, что славою сочетания в себе мудрости и добродетельных деяний некому было с ним сравниться. Однако он решил, что если долго следовать обычаям, принятым в храме Горных ворот в нашу эпоху вероломства, то подверженный гордыне занесется и в конце концов неминуемо упадет в объятия демона зла. Нужно отказаться от почестей, воздаваемых в залах для диспутов между приглашенными служителями, и возвратиться к установлениям Высокого основателя-наставника⁵, — с этими мыслями отвратился он однажды от уз славы и выгоды и надолго затворил за собой двери в уединенной тихой хижине из мха.

Первое время он определил себе для проживания так называемую Чёрную долину возле Западной пагоды⁶. Осенью, когда листья лотоса покрываются инеем, надевая одну на другую три ризы и позволяя утреннему ветру насыпать в его чашу цветы сосен, но: «Добродетельный не бывает одинок, он обязательно имеет соседа»⁷, а солнцу своего сияния не спрятать, поэтому в конце концов, как от наставника пяти мудрых государей⁸, от него пошли три вида чистых заповедей⁹.

Хотя и говорят, что все это были почитаемые мужи, обладающие мудростью и высокодобродетельным поведением, — разве нельзя было им избежать бедствий тогдашних времен? Или же это зависело от воздаяния за прежние жизни? Поистине, достойно удивления то, что, став узниками далеких варваров, они скитаются под луною подневольных странствий.

Только за высокомудрым Энканом, подобно теням, следовали три его ученика, которых звали Сōин, Энсё и Дōсё. Они составили свиту, сопровождавшую паланкин учителя спереди и сзади. Кроме них у Монкан-сōдзё и Тёэн-сōдзё не было ни одного сопровождающего; им приходилось ехать на грубых станционных лошадях. В окружении непривычных для их взоров воинов, в ту пору, когда стояла еще глубокая ночь, отправились они в путь на восток, где птицы поют¹⁰, и на душе у них было печально. Слышались разговоры о том, что до Камакура им не добраться, что они, должно быть, погибнут в дороге, поэтому священнослужители настолько упали духом, что, добравшись до одного ночлега, считали, что теперь-то уж и настал предел, а отдыхая на другой горе, — что предел — вот он, при этом жизнь свою считали росой, готовой высохнуть. Между тем проходил вчерашний день, клонился к сумеркам нынешний, и хотя само по себе путешествие не было спешным, накапливалось число дней, и вот, в 24-й день 6-й луны¹¹, путники прибыли в Камакура.

Высокомудрого Энкана поручили попечению Сасукэ, губернатора провинции Этидзэн, Монкан-сōдзё поручили попечению Сакаи-носукэ, губернатора провинции Тōтōми, а Тёэн-сōдзё — попечению Асикага, губернатора провинции Сануки.

Когда оба посланца возвратились к своей прежней службе, они сообщили о форме главной святыни, которой поклонялись эти священнослужители, и о том, как выглядит у них алтарь со светильником, нарисовав их. Но это было не то, что простой человек может понять с первого взгляда, поэтому было решено призвать Райдзэн-сōдзё из Сасамэ и показать изображения ему.

— Нет сомнения, — молвил священнослужитель, — что это наука о подавлении неприятеля.

— В таком случае, пытать этих монахов! — последовал приказ, и несчастных перевели в Сабураидокоро¹² и приготовились к пыткам водой и огнем.

Монкан-бō¹³, как долго ни допрашивали его, не уронил яшму верности, но когда ужесточили пытку водой, видимо, ослабели у него и тело, и уставшее сердце, и он вынужден был признаться:

— По государеву решению я проводил обряды подавления неприятелей. Не сомневайтесь в этом.

После этого решили попытать Тјюэн-бō. Этот сōдзё, от природы человек трусливый, еще до начала пыток признался во всем без остатка: как государь изволил разговаривать с братией в Горных воротах, рассказал и о поведении принца из Великой пагоды, о заговоре Тосимото, о том, что было, и даже о том, чего не было, — и все дал записать в один свиток.

И хотя после этого никаких сомнений не должно было оставаться, последним священнослужителем пренебречь было нельзя, ибо преступления этого человека были равнозначны преступлениям остальных. Было решено, что назавтра следует допросить и высокомудрого Энкана.

Той ночью монах в миру, владетель провинции Сагами, увидел во сне, будто с восточного склона горы Хиэйдзан пришло стадо обезьян тысячи в две или три голов и будто встали те обезьяны в ряд, так, словно они оберегают этого высокомудрого. Подумав, что знамение, полученное во сне, дело не пустое, владетель еще затемно отправил к охранникам гонца и велел передать им распоряжение: «Пытку высокомудрого временно отложить!» Но прежде того к особе монаха в миру, владетеля провинции Сагами, прибыл охранник и почтительно доложил:

— Когда мы явились к высокомудруму, чтобы нынче же с рассветом исполнить Ваше повеление о пытках, он, повесив светильник, сидел в позе созерцания и обнимал взором Закон Будды. Тень же его ложилась на ширму, стоявшую сзади, и она приняла там форму пресветлого короля Фудō¹⁴. Потрясенные, мы поспешили сюда, чтобы прежде всего доложить подробности этого дела.

Поняв, что и вещий сон, и чудотворное проявление говорят о том, что это не простой человек, владетель провинции Сагами велел отменить распоряжение о пытках.

В 13-й день 7-й луны того же года всем троем священнослужителям были назначены места для дальней ссылки. Монкан-сōдзё был выслан на остров Ивогасима, Тјюэн-сōдзё — в провинцию Этиго. Лишь высокомудруму Энкану наказание в виде дальней ссылки уменьшили на одну ступень и поручили догляд за ним монаху в миру Юки Кōдзукэ, после чего тот, взяв монаха с собой, пустился в далекое странствие в провинцию Ōсё¹⁵. Но это только по называнию не было дальней ссылкой с отстранением от должности. Велено ведь было переселиться в пределы отдаленных варваров, поэтому и его ссылку представляли таким же, как у других, дальним странствием.

Высокомудрый понял тогда, каковы были мучения законоучителя Чжао от жестокой казни, страдания наставника аскетов И-сина из-за скитаний по горным рекам, когда он был сослан в страну Кора¹⁶. Переправляясь через реку Натори («Берущую Имя»), высокомудрый сложил такое стихотворение:

Река в Митиноку,
Берущая зыбкое имя,
Стремит свои воды сюда.
Неужто утонет мореное дерево
В водах его навсегда? ¹⁷

Неужто бедствий эпохи не может избежать даже мудрец — воплощение будды? В старину в Индии, в стране Варанаси, был один шрамана ¹⁸, сочетавший в себе три вида учености — поведения, созерцания и мудрости. В качестве наставника тамошнего государя он стал опорой Четырех морей ¹⁹, поэтому жители Поднебесной уверовали в него и почитали его, и это было точь-в-точь подобно тому, как Великий мудрец, почитаемый в мире ²⁰, ушел от мира и основал Путь. Однажды великий король той страны должен был провести религиозную службу, и главным наставником в толковании заповедей он попросил быть этого шрамана. И вот шрамана, выполняя повеление своего государя, прибывает к Фениксовой заставе ²¹. Как раз в это время государь изволил развлекаться игрой в го ²², и когда к нему пришли и почтительно доложили о посещении дворца шраманою, государь, всем сердцем погрузившись в игру, не услышал этого, но, обращаясь к своему партнеру по игре, изволил промолвить: «Отрежь!» Придворный, вошедший с докладом, ослышался и, решив, что государь повелел зарубить того шрамана, вышел за ворота дворца и тут же отрубил ему голову.

Когда государь закончил игру в го и изволил вызвать шрамана к себе, начальник тюрьмы доложил его величеству: «По государеву повелению ему отрубили голову!»

Сильно разгневавшись, государь вымолвил:

— Сказано ведь: «Приговаривая к смертной казни, приговор повторяют трижды». Несмотря на это, по единственному нашему слову совершили ошибку, усугубив этим недостаток благоразумия у нас. Такое злодеяние равносильно великому греху ²³, — и тут же вызвал придворного, передающего его повеления, и наказал три вида его родственников ²⁴.

Но вот, подумав, что этот шрамана не напрасно был без вины подвергнут смертной казни, что это было, видимо, определено поступками, совершенными им в прежней жизни, государь спросил об этом у архата. Семь дней архат, погрузившись в раздумья и сумев проникнуть в судьбы, обозревал прошлое и настоящее и наконец увидел, что в предыдущем рождении шрамана был крестьянином, который занимался обработкой земли. А император в предыдущем рождении был лягушкой и жил в воде. Когда однажды весной этот крестьянин обрабатывал мотыгой горное поле, он по ошибке концом мотыги отрубил лягушке голову. Благодаря своей карме ²⁵ крестьянин родился шраманою, а лягушка родилась великим королем государства Варанаси, который по ошибке тоже совершил смертную казнь.

Так, значит, из-за какой же кармы наш высокомудрый тоже погрузился в столь непредвиденное прегрешение? О, как это все удивительно!

Примечания

- ¹ *Адзари* (от санскр. ачарья) — здесь: обладатель таинств, передающий их ученикам в эзотерической буддийской секте.
- ² Столп Четырех видов мандалы и Трех таинств — здесь: глава эзотерической школы японского буддизма сингон.
- ³ Занимал место среди горной братии — был служителем в монастырском комплексе Энрякудзи.
- ⁴ Явное и тайное учения — два основных направления в камакурском буддизме, экзотерическое и эзотерическое.
- ⁵ Высокий основатель-наставник — основатель Энрякудзи Дэнгё-дайси (см.: гл. 1, примеч: 17).
- ⁶ Западная пагода — одна из так называемых Трех пагод в комплексе Энрякудзи.
- ⁷ «Добродетельный не бывает одинок...» — цитата из «Бесед и суждений» Конфуция.
- ⁸ Энкан-сёнин был духовным наставником императоров Гофусими, Гонидзё, Ханадзоно, Годайго и Кёгон.
- ⁹ Три вида чистых заповедей — религиозные заповеди, которые буддийские послушники получают от своих наставников.
- ¹⁰ Восток, где птицы поют, — поэтический образ Адзума, восточных провинций Японии.
- ¹¹ 24-й день 6-й луны — 29 июля (1331 г.).
- ¹² Сабурайдокоро (Самурайдокоро) — в эпоху Камакура подчиненное воинскому правительству (бакуфу) управление, ведавшее делами воинского сословия: охраной сёгунского дворца, назначением сёгунских чиновников, судопроизводством и т. д.
- ¹³ Бō — буддийский монах, бонза.
- ¹⁴ Фудō — в эзотерическом буддизме одно из проявлений космического будды Вайрочана. Противостоит демонам зла.
- ¹⁵ Осё — китайское название провинции Муцу (Митиноку, Митинокуни) на крайнем севере о. Хонсё.
- ¹⁶ Законоучитель Чжао и наставник аскетов И-син — китайские буддийские монахи эпохи Тан (618—907), пострадавшие за их преданность трону. Страна Кора — название не идентифицировано.
- ¹⁷ В подлиннике игра слов: автор сравнивает себя со старым мореным деревом, которое может сгнуть в неизвестности на дне реки.
- ¹⁸ Шрамана (яп. *сямон*) — аскет.
- ¹⁹ Четыре моря, Поднебесная — здесь: Индия.
- ²⁰ Великий мудрец, почитаемый в мире, — один из эпитетов будды Шакьямуни.
- ²¹ Застава Феникса — императорский дворец.
- ²² Го — японские облавные шашки.
- ²³ Великий грех — здесь: отцеубийство или убийство государя.
- ²⁴ Три вида родственников — родители, братья и дети.
- ²⁵ Карма (будд.) — закон нравственной причинности, определяющий будущее живого существа теми поступками, которые оно совершило в прошлом, в том числе и в прежних жизнях.

4. О том, как Тосимото-асон вторично направился в Кантō

Хотя в прошлом году, после того, как разгромили Токи Дзюрō Ёрисада, Тосимото-асон и был арестован и доставлен в Камакура, его освободили, потому что сочли достаточными разного рода объяснения, которые он привел. Но поскольку на этот раз в признаниях снова было упомянуто, что в планах заговора всецело участвовал этот асон, в 11-й день 7-й луны его под конвоем доставили в Рокухара и препроводили в Кантō.

Законом определено, что повторное преступление не прощается, поэтому какие бы оправдания ни приводились, их не принимают. «Одно из двух: либо пропаду по дороге, либо зарубят в Камакура», — размышлял он, отправляясь в дорогу.

Бредет, приминая ногами
Снег опавших цветов,
В Катано любитесь
Весеннею сакурой
Или домой возвращается,
Одевшись парчою багряной листвы,
В осенние сумерки,
Покрывшие гору Араси;
Бывает тоскливо,
Когда хоть одну
Проводит он ночь до рассвета
В дорожном приюте.
Не слабы
Семейные узы любви —
Жену и детей,
Что оставил на родине,
Вспомнил с тоскою,
Не зная, что с ними теперь.
Туда, где за долгие годы
Обжился,
На Девятивратную
Государя столицу
В последний теперешний раз
Оглянувшись,
В нежданный свой путь
Отправляется он,
А в сердце такая печаль!
Не угасит ее
Даже застава Осака.
Ее чистыми водами
Свои увлажнив рукава,
Прошел он в конце через горный проход
К песчаному берегу Утидэ.
Далеко в открытое море
Свой взор устремив,
Увидел, что в мареве движется
По несоленому морю ¹,
Словно это он сам, зыбкая лодка —

Памятники культуры Востока

Она то всплывет, то погрузится в волны.
С грохотом кони
Стучат копытами,
Переходя
Через длинный мост Сэта.
По дороге Ёми
Люди идут и туда, и навстречу;
Плачет журавль
На равнине Унэ.
Жаль его —
Не журавленка ли он вспоминает?! ²
В Морияма
Идет и идет дождь осенний,
Под деревом
Намок уж рукав от росы ³.
Когда ж в Синохара — на Равнине бамбука,
Где ветром роняет росу,
Прошел той дорогой,
Что разделяет бамбуки,
Хоть и была на пути
Кагаминояма, Зерцало-гора, —
Из-за тумана от слез
В ней отражения не было видно.
Но лишь задумается,
Так даже среди ночи
Там, на траве,
Что в роще Оисо,
Коней остановив,
Назад с тоскою смотрит, —
Но, видно, родину
Закрыли облака...
Вот Бамба, Самэгаи,
Касивабара,
Вот домик у заставы Фува —
Он совсем разрушен,
А стерегут ее
Осенние дожди.
Когда ж ему
Придет кончина? ⁴
Перед мечом из Ацута
Священным ⁵ преклонился.
Теперь, когда отлив
В лагуне Наруми, —
От заходящей здесь луны
Видна дорожка.
В рассвет ли, в сумерки ль
Его дороге
Где конец настанет?
Как в Тōтоми ⁶
На волнах вечернего прилива
У моста Хамана
Покинутая лодка,
Которую никто не вытащит на берег,
Утонет, —
С ним так же будет,

И тогда его кто пожалеет?
Но вот уж в сумерках
Раздался звон вечерний.
— Пора и отдохнуть, — подумал он
И на почтовой станции Икэда
Остановился на ночлег.
Не в первом ли было
Году эры Гэнряку? ⁷
Тогда полководец
Сигэхира ⁸,
Плененный
Дикарями ⁹,
На той же станции
Остановился.
Смотрителя же дочь
Стихи тогда сложила:
«На Восточной дороге
В убожестве
Хижины жалкой
Родные места
Он, видно, с тоской вспоминает».
Вспомнив всю до конца
Ту старинную
Грустную повесть,
[Тосимото] залился слезами.
В придорожном ночлеге
Тускло светит фонарь,
Но раздался лишь крик петуха,
И забрезжил рассвет,
На ветру
Уже лошадь заржала —
Путник реку Небесных драконов
Пересекал.
А когда через реку Саё
Переправлялся,
Заслонили дорогу
Белые облака,
Так что вечером, в сумерках,
Не разобрать,
Где же небо над домом родным, —
Как ни гляди.
С какою завистью
Подумал он,
Что Сайгё-хёси ¹⁰ в старину
Здесь дважды довелось
Переправляться,
Тогда сложил он: «Такова
Была моя судьба» ¹¹.
Быстры ноги у коня,
На котором скачет время, —
Уж солнце
В полдень поднялось,
Когда, сказав, что уж пора
Давать ему дорожный рис,
Его носилки
Внесли во двор, остановились.

Постучав по оглобле, пленник вызвал воинов конвоя и спросил у них, как называется эта почтовая станция. «Ее называют Кикукава, Река хризантем», — был ответ. Во время сражений годов Сёкё¹² вельможного Мицутика вызвали в Кантō по обвинению в том, что он записывал повеление монашествующего экс-императора, и когда на этой самой станции его собирались казнить, он написал:

Прежде воду Реки хризантем из уезда Наньян
Черпая в нижнем теченье ее, годы себе продлевали.
Ныне же возле Реки хризантем, что на тракте Тōкайдō,
Остановившись на ночь на западном берегу,
жизнь обрываю себе¹³.

След кисти
Из старины далекой —
Он был. То запись
И о его, теперешнего пленника, судьбе.
Печаль его
Все больше становилась,
И Тосимото
Сложил стихи и на столбе приюта
Начертал:
«Такое в старину
Уже случилось.
Наверное, утопят и меня
В потоке той же
Хризантемовой реки!»
Как миновали
Реку Ōи,
Пленник, ее название услышав,
Знакомое такое¹⁴,
Подумал о том,
Что теперь уже стали
Ночным сновиденьем,
Которое дважды не видят, —
Отъезд государя
В дворец Камэяма,
Вишни в цвету
На Арасияма¹⁵,
Катанье на лодках
С головами драконов
И шеями цапель¹⁶
И то, как бывал на пирах
С их стихами под звуки свирелей и струн.
Миновав
Симада, и Фудзиэда,
И увядшие стебли лиан
У Окабэ¹⁷,
В сумерках,
Полных печали,
Горы Уцу пересек —
Там разрослись,
Закрывая дорогу,
Винограда и клена побеги и ветви.

В старину
Нарихира-тјодзѣ¹⁸,
В восточные пределы
Отправляясь,
Желал найти,
Где поселиться.
Прочтя свои стихи:
«Здесь даже и во сне
Не встретишь человека»,
Он, видно,
То же чувство испытал.
Когда же миновали
Взморье Киёмі¹⁹,
Застава из морской волны,
Чей шум пройти мешает
Даже снам,
В которых возвращаешься в столицу,
Невольные
Все больше вызывала слезы.
Но что же там, напротив? —
Мыс Михо,
А от него пройдя
Окицу и Камбара,
Увидел он
Высокую вершину Фудзи,
Из снега прямо
Встает там дым.
Его не спутаешь ни с чем.
И в мыслях
Равняя дым с невзгодами своими,
В рассветной дымке
Рассмотрел он сосны
И миновал
Равнину Укисимагахара²⁰ —
Так мелко здесь из-за отлива?
И сам он, как селянин,
Что вышел в поле,
Плывет на лодке²¹.
Возвратная повозка — Курумагаэси —
Вращает этот зыбкий мир.
На ней поехал до Такэносита,
Дороге Под Бамбуком,
От перевала Асигараяма
Вниз на Большое с Малым
Морские побережья²² посмотрев,
Увидел, будто волны
Рукав ему перехлестнули.
Он, правда, не спешил,
Но много дней
В пути нагромоздилось,
И под вечер
В луну седьмую, день двадцать шестой,
В Камакура
Прибыть изволил.

В тот же день, немного погодя, Нандзё Саэмон Таканао благоволил принять его и передать на попечение Сува Саэмона. Запертый в тесной камере с крепкими решетками «паутина», он чувствовал себя грешником в преисподней, переданным в Ведомство десяти королей²³, закованным в шейные колодки и ручные кандалы для установления тяжести его грехов.

Примечания

- ¹ Несоленое море — оз. Бива, расположенное к северо-востоку от Киото. Крупнейший пресноводный водоем Японии. По южному его берегу проходила дорога из Киото в Камакура.
- ² Образ журавля, ночью тоскующего по своему детенышу, заимствован из стихов китайского поэта Бо Цзюй-и (772—846).
- ³ Р о с а — здесь: метафора слез.
- ⁴ В оригинале игра слов, с помощью которой зашифрованы названия провинций Мино и Овари.
- ⁵ Священный меч из Ацута — Амэ-но муракумо-но цуруги, один из трех символов императорской власти. Хранился в павильоне Яцуругиномия в синтоистском святилище Ацута в одноименном городе провинции Овари.
- ⁶ Тōтоми — одна из пяти провинций Тōкайдō. Здесь игра слов: первый иероглиф в ее названии может читаться как *тоу* («спрашивать»).
- ⁷ Первый год эры Гэнряку — 1184 г.
- ⁸ Полководец Сигэхира — Тайра-но Сигэхира (1156—1185), сын главы клана Тайра и фактического правителя страны Тайра-но Киёмори (1118—1181), занимал придворную должность командира Левой гвардии охраны дворцовых ворот. Во время междоусобной войны его войско было разбито сторонниками Минамото в битве при Итинотани, и во 2-ю луну 1184 г. Сигэхира был отправлен в Камакура, откуда летом 1185 г. препровождался в Нара, однако по дороге, на берегу Кудзугава, был убит.
- ⁹ Здесь восточными дикарями названы сторонники клана Минамото.
- ¹⁰ Сайгё-хōси (1118—1190) — знаменитый поэт-странник, буддийский монах. Мирское имя — Сатō Норикиё. Любимая тема Сайгё — эфемерность, непостоянство человеческой жизни, странствия.
- ¹¹ Впервые Сайгё-хōси побывал на перевале в горах Саё в старости, поэтому не рассчитывал, что увидит его еще раз. Остановившись здесь же несколько лет спустя, он сложил на эту тему стихотворение, включавшее строфу: «Знать, такова была моя судьба!»
- ¹² Сражения годов Сёккю («смута годов Сёккю») — вооруженное выступление экс-императора Готоба в 1219—1221 гг. против диктатуры Хōдзё; закончилось поражением и ссылкой Готоба на о. Оки.
- ¹³ Стихотворение написано на китайском языке и содержит намек на китайское поверье о том, что глоток воды, сделанный в нижнем течении Цзюйшуй («Хризантемовые воды» — рукав реки Бохэ в уезде Наньян провинции Хэнань), продлевает жизнь. Тōкайдō — тракт, ведущий из Киото в Камакура.
- ¹⁴ Река Ои, о которой говорится в данном случае, протекает на границе между провинциями Тōтоми и Суруга. Река с тем же названием протекает в окрестностях столицы.
- ¹⁵ Арасияма — живописная гора в окрестностях Киото.
- ¹⁶ Украшения в виде головы дракона на шее цапли укрепляли на носах лодок, принадлежавших императору и придворной знати.
- ¹⁷ Симада, Фудзиэда, Окабэ — небольшие города на востоке о. Хонсю, в районе горы Сидзуока. Увядающие стебли лиан — имеются в виду тра-

вянистые лианы пуэрарии, из высушенных корней которых готовят питательную крахмальную муку аррорут.

- ¹⁸ **Н а р и х и р а - т ю д з ё** — один из Шести магов японской поэзии Аривары Нарихира (825—880). Здесь назван по его придворному чину: в 877 г. поэту был пожалован придворный ранг командира Правой гвардии охраны дворцовых ворот *уко-тидзё*.
- ¹⁹ **К и ё м и** — старинное название Симидзу, ныне — портового города на берегу залива Суруга (префектура Сидзуока).
- ²⁰ **Р а в н и н а У к и с и м а г а х а р а** (букв.: «Плавучий остров») находится у подножья горы Аситакаяма в префектуре Сидзуока (уезд Сунтō).
- ²¹ Здесь и дальше обыгрываются географические названия: иногда они не называются прямо, а угадываются по созвучиям и этимологическим намекам.
- ²² **Б о л ь ш о е м о р с к о е п о б е р е ж ь е** — Оисо, небольшой город в провинции Канагава. **М а л о е м о р с к о е п о б е р е ж ь е** — Коисо, один из его районов.
- ²³ **Д е с я т ь к о р о л е й (б у д д.)** — десять судей в мире теней, которые на 7-й день после смерти человека определяют тяжесть его грехов и его грядущие рождения.

5. О мнении Нагасаки Синдзаэмон-но-дзё и о господине Кумавака

После того как дело с заговором царствующего государя¹ было раскрыто, приближенные господина из Дзимёин² вплоть до самых младших дам из его свиты стали радоваться, считая, что августейший трон скоро перейдет к их господину, но даже после того, как было совершено нападение на Токи, вестей об этом никаких не последовало. Теперь же, хотя Тосимото и призвали вновь из столицы, об августейшем троне ничего нового слышно не было, поэтому планы людей из окружения господина из Дзимёин нарушались и многие из этих людей стали «петь о пяти печалях»³.

Ввиду этого, возможно, и нашелся человек, давший такой совет, согласно которому от господина из Дзимёин в Кантō был тайно направлен посланец и ему велено было сказать: «Осуществление заговора царствующего государя — дело ближайших дней. Опасность уже нависла. Если воины немедленно не отдадут распоряжение о тщательном расследовании, в Поднебесной скоро может наступить смута». Тогда владетель Сагами, монах в миру, в смятении воскликнул: «Воистину, это так!» — и собрал людей из семей главных своих вассалов, а также глав ведомств и членов Верховного суда, спросив мнение каждого: «Как следует поступить с этим делом?»

Однако некоторые закрыли свои рты на запор, уступая слово другим, а некоторые из опасения за самих себя не произносили ни слова, и тогда сын монаха в миру, управителя Нагасаки, Синдзаэмон-но-дзё Такасукэ вышел вперед и почтительно промолвил:

— В прошлом, когда было совершено нападение на Токи Дзюрō, следовало произвести и передачу трона царствующего государя. Однако из опасений перед установлениями двора ваши распоряжения были нерешительными, из-за чего дело так и не прекратилось. Первая

добродетель воинов — отринув смуту, привести страну к миру. Отправить немедленно ныне царствующего государя в отдаленные провинции, принца из Великой пагоды препроводить в дальнюю ссылку без возврата. Тосимото, Сукэтомо и более низкопоставленных мятежных подданных казнить по одному — иначе быть не может, — так вымолвил он без робости.

В ответ на это, немного поразмыслив, почтительно высказался Дōун, монах в миру Никайдō из провинции Дэва:

— Мне это кажется разумным. Так и должно быть. Однако же, если отвлечься от него и обратиться к моим неразумным мыслям, мы увидим, что с тех пор, как воинские дома взяли власть, прошло более ста шестидесяти лет, могущество их достигло границ Четырех морей, а удача блистает из поколения в поколение — и не иначе. Это лишь потому, что наверху они с почтением взирают на Единственного⁴, от преданности ему не имея никакой корысти, а внизу, поглощенные заботами о простом народе, осуществляют милосердное управление. Однако то, что ныне двое из ближайших подданных государя схвачены, а трое высших священнослужителей, наставлявших его в вере, отправлены в ссылку, следует назвать особенно тяжким проступком подданных-воинов. Если же, сверх этого, его величество также принудят переехать в отдаленную местность, а настоятеля тэндай⁵ отправят в ссылку, не только небесные боги, но и Врата гор⁶ невзлюбят их за гордыню: как смогут они не испытывать чувства негодования?!

Если боги разгневаны, а люди не повинуются, участь воинов неминуемо становится опаснее. Ведь сказано же: «Даже если государь — это не государь, подданный из-за этого не может не быть подданным»⁷. И пусть даже государь замыслит дело со своим августейшим заговором, в ту пору, пока воины находятся в расцвете сил, не должно быть людей, которые бы примкнули к нему. К тому же, если воинские дома действительно станут с почтением выполнять государевы повеления, отчего же тогда и государю не переменить свои замыслы? Я полагаю, что благодаря этому государство будет пребывать в покое, а воинское счастье — в долголетьи. А как об этом думают присутствующие?

Так он промолвил, но Синдзаэмон-но-дзэ из Нагасаки, не дожидаясь мнения других, так как у него испортилось настроение, опять высказался:

— Хоть и говорят, что у светских и у военных властей цель одна, действие их различается во времени. В спокойную пору управление все более осуществляется просвещением, в мятежное время спокойствие быстро достигается оружием. Поэтому во времена сражающихся царств⁸ дело не доходило до использования учений Конфуция и Мэн-цзы, а в пору великого спокойствия не использовали щиты и копья. Теперь дело дошло до быстрых действий. Управлять надо оружием. В державе иной имеется пример того, как подданные Вэнь-ван и У-ван напали на государя, не знающего Пути⁹. В нашей державе известен пример того, как стоящие внизу Ёситоки и Ясутоки ссылали

лишенных добродетелей повелителей¹⁰. Весь мир признал это правильным. К тому же в древних книгах тоже говорится: «Если государь смотрит на подданных как на мусор, то подданные смотрят на государя как на заклятого врага»¹¹. Если же, пока мы пребываем в нерешительности, государь повелит усмирить воинские дома, — от нашего запоздалого раскаянья проку не будет никакого. Теперь нам ничего другого не остается, как принудить государя уехать в отдаленную провинцию, принца из Великой пагоды выслать на остров Ио¹², а заговорщиков и мятежных подданных Сукэтомо и Тосимото казнить. Смею полагать, что именно так можно добиться спокойствия для воинских домов на тысячу поколений вперед.

Когда он вымолвил это с властным видом, сидевшие там главы служб и ближние советники, угодничая ли перед могущественным или же опустившись до глупых его планов, все согласились с его мнением. После этого Дбун не стал повторять своих слов о верности, а насупил брови и покинул собрание. Тем временем собравшиеся заодно определили: «Каждый, кто убеждал государя устроить заговор, — советник среднего ранга Гэн Томоюки, младший толкователь законов Правой стороны Тосимото и советник среднего ранга Хино Сукэтомо — подлежит смертной казни», а наместнику сёгуна в провинции Садо, монаху в миру Хомма из Ямасиро, отослали повеление: «Надлежит прежде всего казнить вельможного Сукэтомо, который с прошлого года пребывает в вашей провинции в ссылке».

Когда слух об этом распространился в Киото, сын этого Сукэтомо, советник среднего ранга Кунимицу, — он прозывался в те времена господином Кумавака, и было ему 13 лет, — скрывался в окрестностях храма Ниннадзи, потому что его вельможный отец был арестован. Услышав о том, что отца должны казнить, Кумавака испросил у матери позволения отлучиться:

— Почему я должен теперь дорожить своей жизнью? Пусть меня казнят вместе с моим отцом, и я стану сопровождать его в путешествии по царству теней, но я должен видеть отца в самые последние его мгновения.

Упорно увещевая его, мать говорила:

— Я слышала, что Садō — ужасный остров, который и люди-то не посещают. Как сможешь добраться туда ты? Ведь дорога занимает много дней! Кроме того, мне кажется, что в разлуке с тобой мне не прожить и полчаса в день.

Но когда она перестала плакать и сокрушаться, сын промолвил:

— Если меня некому будет сопровождать в пути, то в случае каких-либо превратностей судьбы я брошусь в воду и погибну.

При этих словах мать усмирила боль, и, потерявшись от мысли о том, что на ее глазах должна будет произойти еще одна смертельная разлука, все-таки отпустила сына в далекую провинцию Садō и, делать нечего, велела сопровождать его телохранителю, единственному, кто оставался при ней до того дня. Хотя и далекая предстояла дорога, но верхового коня у путника не было, и потому, надев на ноги непри-

вычные соломенные сандалии и надвинув на глаза шляпу-зонтик из осоки, отправился он в странствие по северным дорогам, разделенным росами, — даже представишь себе, жалость берет.

На тринадцатый день после того, как он покинул столицу, Кумавака прибыл в бухту Цуруга, что в провинции Этидзэн. Здесь он сел на торговое судно и вскоре достиг провинции Садō. Поскольку Кумавака ни через кого не мог известить о своем прибытии, он сам пришел к дому Хомма и встал напротив центральных ворот. Как раз в это время из ворот вышел монах.

— Вы изволите стоять здесь из-за того, что в этом доме у Вас есть дело? В чем же Ваше дело состоит? — спросил он.

— Я сын советника среднего ранга Хино. Прослышав, что в скором времени его должны будут казнить, я поспешил сюда издалека, из самой столицы, чтобы увидеть отца в его последние мгновенья! — не договорив, господин Кумавака залился потоками слез.

Тогда монах, оказавшийся человеком с чувствительным сердцем, спешно пошел и рассказал обо всем Хомма, а тот тоже не был бесчувственной скалой или деревом: как и следовало ожидать, он проникся жалостью и тотчас же велел этому монаху пригласить путника в помещение с изваяниями будд¹³, снять с него кожаные чулки и соломенные гетры и вымыть ему ноги, — и монах обращался с гостем безо всякого небрежения. Господин Кумавака мысленно обрадовался этому, но хотя он тут же спросил, как бы ему поскорее увидеть своего вельможного отца, — свидание сына с отцом не разрешили, сказав, что показать мальчика тому, кто не сегодня-завтра будет казнен, поистине означает сотворить помеху на его пути в царство тьмы. Кроме того, что будет, если об этом услышат в Кантō? Однако место, в которое был помещен благородный отец, было расположено в четырех или пяти *mē*¹⁴, так что, услышав об этом, он затосковал даже более, нежели от прежних мыслей о том, как мальчик живет там, в столице, не ведая, что его ожидает в будущем.

А у сына ни на одно мгновение не просыхали рукава, когда он думал, что ничего не значат те слезы, которые он проливал когда-то в мучительных думах, всматриваясь в эту сторону и издали представляя себе сельское жилище, отделенное от него дорогой из волн. Надеясь разглядеть ту башню, в которой находится советник среднего ранга, сын всматривался в заросшее бамбуковой чащей место, окруженное рвом и обнесенное забором, — туда, где и люди-то ходили редко.

Что сострадания не ведало, так это сердце Хомма! Отец пребывал в заточении, сын был еще незрелым. Даже если бы они и были вместе, что было бы в этом страшного? Но им даже свидеться не позволили! Но если даже сейчас, живя в одном и том же мире, они оказались словно рожденными рожденьями, что же вырастет там, под мхом, после того, как их не станет? Трудно же им тогда будет увидеться: ведь это не грезы, в которых видится то, о чем думаешь во сне. Ах, как печальна участь отца и сына, благодетельная их любовь, что доставляет взаимные страдания!

С наступлением темноты в 29-й день 5-й луны вельможного Сукэ-томо вывели из тюрьмы и сказали ему:

— Давно не изволили Вы просить горячей воды, так что пожалуйста мыться.

«Вот-вот наступит время, когда мне должны будут отрубить голову», — подумал Сукэтомо, но вслух сказал только:

— О, как это бессердечно! Я встречу свой конец, так и не увидев ни разу малолетнего сына, который прибыл сюда издалека, чтобы увидеть меня в мои последние минуты!

И после этого не сказал ни слова. До нынешнего утра настроение у Сукэтомо было подавленное, он то и дело утирал слезы, а тут, словно решив погасить в своей голове огонь заботы о мирских делах, перестал видеть иные заботы, кроме тонкостей достижения просветления. Когда наступила ночь, за Сукэтомо прислали паланкин и препроводили его к речной долине, что всего в десяти *тё* отсюда; а когда паланкин принесли на место, Сукэтомо, не выказывая никакого страха, присел на меховую подстилку и написал предсмертное славословие ¹⁵:

Пять Скоплений временно принимают форму,
Четыре Великих теперь возвращаются к пустоте,
Поэтому голову подставляю под обнаженный меч —
Срежет ее одним дуновением ветра ¹⁶.

Когда Сукэтомо проставил на бумаге год, луну и число, а внизу приписал свое имя, он увидел, что за спину ему зашел палач. Голова вельможи упала на меховую подстилку, а тело все еще продолжало сидеть. Вскоре пришел священнослужитель, который обычно произносил здесь проповеди. Он по принятой форме совершил обряд кремации, собрал прах покойного и передал его Кумавака. Едва отрок взглянул на него, как протянутые его руки ослабели.

— Так и не удалось нам под конец встретиться в этой жизни, и вот теперь вижу я эти неузнаваемые белые кости! — заплакал он горько.

Причина для этого была. Несмотря на то, что Кумавака был еще мал, сердце у него было отважное, поэтому он и передал останки своего отца единственному слуге, которого брал с собою.

— Прежде всего, ранее меня следуй к горе Кōя ¹⁷ и помести их во внутренний павильон или иное место! — такими словами велел он слуге вернуться в столицу, а сам, сказавшись нездоровым, продолжал оставаться во дворце у Хомма. Дело в том, что он решил отомстить Хомма за то, что тот безжалостно не позволил ему увидеться с отцом в этой жизни. И вот в течение четырех или пяти дней Кумавака в дневное время сказывался больным и весь день напролет лежал, а по ночам крадучись выбирался наружу и подробно обследовал спальню Хомма, твердо определив себе — если удастся, одного из Хомма, отца или сына, убить, а потом себе самому взрезать живот.

Однажды ночью дул сильный ветер и шел дождь. Даже все слуги, которые несли стражу, ушли спать на отдаленный пост. «Вот он, долгожданный случай!» — подумал Кумавака и потихоньку пробрался туда, где находилась спальня Хомма. Но, может быть, у Хомма была крепка их судьба? В эту ночь они поменяли свою постоянную спальню, и нигде их не было видно. Потом показался огонь светильника в комнате, где стоят два опорных столба, — быть может, там Хомма-сын? «Хотя бы на этого нападую, утолю свою обиду», — решил Кумавака, но, когда он проскользнул вовнутрь и посмотрел, — оказалось, что и здесь сына не было. В комнате спал только один человек — Хомма Сабурō, который отрубил голову господину советнику среднего ранга.

«Хорошо же, — подумал Кумавака, — этот — тоже враг моего батюшки не меньше, чем монах в миру из Ямасиро!» — и уже приготовился было наброситься на него, да засомневался: «У меня еще нет ни большого, ни малого меча, и мне остается только завладеть его мечом, только светильники горят слишком ярко, поэтому я, пожалуй, могу испугнуть спящего, едва к нему приближусь», — и не смог легко приблизиться к Хомма Сабурō.

Пока Кумавака стоял, в растерянности соображая, как ему поступить, на огонь светильника — дело происходило как раз летом — слетелось множество мотыльков. Они облепили освещенные изнутри раздвижные двери¹⁸. «Ого, — подумал Кумавака, — это же замечательно!» Чуть потянув двери в сторону, он приоткрыл их. Тогда множество насекомых влетело в помещение, и вскоре они загасили светильник. «Теперь годится», — обрадовался он и, когда, приблизившись к изголовью Хомма Сабурō, пошарил рукой и обнаружил там большой и малый мечи. Хозяин крепко спал.

Сначала Кумавака взял малый меч, заткнул его за пояс, потом извлек большой меч и приставил его под сердце Сабурō. Потом подумал: «Убивать спящего — все равно что мертвого; разбужу-ка я его!» И неожиданно пнул ногой подушку. Напуганного этим пинком врага Кумавака пронзил ударом большого меча выше пупка до самой цинновки, повернул меч и перерезал недругу дыхательное горло, после чего со спокойным сердцем спрятался позади усадьбы в низине, заросшей бамбуком. Хомма Сабурō успел вскрикнуть, когда меч проходил сквозь его грудь. Стражники всполошились, зажгли светильники, и когда осматривали это место, увидели окровавленные следы маленьких ног.

«Ну, это дело рук господина Кумавака. Вода во рву глубока, так что он вряд ли убежал за ворота. Отыскать и зарубить!» — с этими словами они взяли в руки по зажженному сосновому факелу и принялись обыскивать вокруг все, даже места под деревьями и в тени от травы. Разве теперь мог убежать куда-нибудь Кумавака, скрывавшийся посреди бамбуковой низины? Он подумал, что уж лучше покончить с собой, чем попасться им в руки, но теперь, после нападения на ненавистного врага своего батюшки, исполнить долг верного подданного

и почтительного сына значило для него, во что бы то ни стало сохранив свою жизнь, стоять за августейшее дело государево и осуществить заветное желание отца. Поэтому Кумавака вернулся к мысли о том, чтобы в первую очередь попытаться бежать. Хотел было перепрыгнуть через ров, но при ширине в два *дзэ*¹⁹ глубина рва была более одного *дзэ*, так что преодолеть его не было возможности. Тогда он решил перейти ров как бы по мосту: быстро взобрался на ствол китайского бамбука, что склонялся над рвом, наклонил его верхушку в сторону другой стороны рва и с легкостью этот ров преодолел.

Стояла еще глубокая ночь. Кумавака направился в сторону порта, намереваясь сесть на корабль и добраться до противоположного берега. Постепенно, пока под покровом темноты он шел в сторону моря, рассвело, скрытно передвигаться по дороге стало невозможно, поэтому Кумавака решил притаиться и подождать, пока стемнеет. Он укрылся среди густых зарослей конопли и полыни. Врассыпную проскакало человек 140—150 всадников — по-видимому, погоня. Когда они проехали вперед, было слышно, как по дороге спрашивали каждого встречного, не видел ли он, чтобы здесь проходил мальчик лет двенадцати-тринадцати.

Кумавака весь день дотемна провел в конопле, а когда наступила ночь, он, стремясь попасть в порт, пошел сам не ведая куда. В это время, может быть, будды и боги почувствовали его тягу к сыновней почтительности и обратили к нему свои защищающие взоры, но только встретился на пути Кумавака один старый ямабуси²⁰. Увидев мальчика, тот, похоже, почувствовал сострадание.

— Откуда и куда изволите направляться? — спросил он, и Кумавака рассказал ему обо всем, что случилось. Выслушав его, ямабуси подумал: «Если я не помогу этому человеку, ему неминуемо вскоре же придется встретиться с бедой».

— Успокойтесь, пожалуйста! В порту много купеческих судов. Я посажу Вас на одно из них и провожу до Этиго и Эттё²¹, — с этими словами он взял мальчика к себе на плечи и понес его, потому что у того ослабели ноги, и вскоре подошел к порту.

Рассвело. Ямабуси стал допытываться, нет ли проходящих судов, однако на этот раз в пределах порта не оказалось ни одного судна. Пока он раздумывал, как быть, оказалось, что далеко в море на волнах покачивается большой корабль. Видя, что ветер стал попутным, на нем ставят мачту и устраивают навес из циновок, ямабуси поднял руки и окликнул корабельщиков:

— Эй, на корабле! Пожалуйста, подойдите сюда, возьмите попутчика!

Но там и ухом не повели; корабельщики громко галдели, поднимая паруса, гребли от порта прочь.

Очень рассердился ямабуси. Он связал шнуры на рукавах своего одеяния цвета персимона, закрепил их себе за плечи и, повернувшись лицом к уходящему в море кораблю и легонько потирая косточки чetок, стал приплясывать, напрягши всю свою печень в заклинанье:

— Сказано, что взявший единожды тайные тексты во многих рождениях пользуется заступничеством; тот, кто отправляет службы, подобен Бхагавату²². Но, а когда человек занят служением многие годы?! Изначальный обет Светлого короля²³ — не ошибка; ты, явленный миру в облике Алмазного дитяти²⁴, вы, небеса, драконы и якши²⁵, и вы, восемь великих драконов-королей, поверните этот корабль вспять, в мою сторону!

По-видимому, заклинание чудотворца достигло богов, и ему было ниспослано покровительство Светлого короля. Со стороны моря вдруг подул жестокий ветер, готовый одним махом опрокинуть тот корабль. Тогда корабельщики растерялись и, молитвенно сложив ладони, опустились на колени:

— О, досточтимый ямабуси! Пощадите, пожалуйста! — и стали изо всех сил грести назад.

Едва приблизилась кромка берега, кормщик спрыгнул с корабля, поднял мальчика себе на плечи, взял ямабуси за руку и привел в каюту на палубе. Тогда ветер снова принял прежнее направление, и корабль вышел из порта. После этого прискакала погоня — сто сорок или сто пятьдесят всадников; они гнали коней по далекой отмели и кричали:

— Остановите корабль!

Но корабельщики притворились, что не видят их, и при попутном ветре подняли парус.

В сумерки того же дня корабль причалил к самому управлению провинции Этиго. То, что Кумавака с помощью ямабуси избежал смерти в пасти крокодила, — это замечательный знак действительности божественного обета Светлого короля о заступничестве.

Примечания

¹ Царствующий государь — император Годайго.

² Господин из Дзимёин — принц Кадзухито, будущий император Кōгон (1314—1364), представитель «Северной линии» императорского дома.

³ «Песня о пяти печалях» помещена в *Хоу Хань шу* («Истории ранней Хань»). По преданию, ее написал поздниханьский поэт Лян Хун, когда он проезжал через столицу, не имея возможности остаться в ней (намек на то, что надежда сторонников Северной ветви на низложение Годайго и на занятие престола ее представителями оказалась тщетной). Считается, что образ заимствован здесь не прямо из китайской хроники, а из японского поэтического собрания начала XI в. типа *Хонтёмондзуй* («Литературные стили нашей страны») или *Вакан розэйсю* («Собрание японских и китайских песен для декламации»).

⁴ Единственный — иносказательное обозначение императора.

⁵ Настоятель тэндай — тэндай-дзасу, глава храмового комплекса Энрякудзи и патриарх школы японского эзотерического буддизма тэндай. Здесь — сын императора Годайго принц Мунэнага (Сонтё, принц из «Великой пагоды»).

⁶ Врата гор — здесь: монахи комплекса Энрякудзи.

⁷ Фраза из предисловия Кун Аньго к китайской классической «Книге о почитании родителей» (*Сяо цзин*).

⁸ Эпоха сражающихся царств в Китае — 403—221 гг. до н. э.

- ⁹ Подданные Вэнь-ван и У-ван напали на государя, не знающего Пути — прецедент из китайской истории: Вэнь-ван в 1027 г. до н. э. низложил последнего императора династии Инь и основал династию Чжоу. Его сын У-ван в перевороте участия не принимал и упоминается лишь для полноты аналогии с японскими событиями.
- ¹⁰ Военно-феодалы правители Японии отец и сын Хōдзэ Ёситоки (1143—1224) и Ясутоки (1183—1242) после «смуты годов Сёккю» (Дзёккю, 1221 г.) отправили в ссылку поочередно трех императоров: Готоба, Дзюнтoku и Цутимикадо.
- ¹¹ Имеется в виду высказывание древнекитайского философа Мэн-цзы.
- ¹² И о — маленький остров в группе Осуми к югу от о. Кюсю.
- ¹³ Помещение с изваяниями будд — здесь: помещение в буддийском храме, где хранятся посмертные таблички с именами предков, и прихожанин может помолиться за них.
- ¹⁴ Тё — мера длины, равная 109,9 м.
- ¹⁵ С л а в о с л о в и е — здесь: *гатха*, стихотворение, воспевающее буддийский взгляд на мир или буддийскую святыню. Как правило, четырехстрочное стихотворение на китайском языке.
- ¹⁶ П я т ь С к о п л е н и й (будд.) — пять *скандх*, элементов, временное сочетание которых образует психические и физические характеристики конкретной личности — ее тело, восприятия и ощущения, мысли, побуждения и акты сознания. Четыре Великих первоэлемента — земля, вода, огонь и ветер, в совокупности образующие мгновенные формы, но постоянно стремящиеся вернуться к абсолюту — изначальной пустоте. Смысл приведенного стихотворения: человек представляет собой лишь временное сочетание вечно сущих элементов, поэтому я без страха встречу свою смерть. Она лишь мгновение в абсолютном бытии.
- ¹⁷ Г о р а Кōя расположена неподалеку от Киото, в южной части уезда Ито (провинция Вакаяма). В 816 г. основатель буддийской школы сингон Кукай основал на ней первый сингон-буддийский монастырь Конгобудзи (Нандзан).
- ¹⁸ Р а з д в и ж н ы е д в е р и в японском доме (*сёдзи*) изготавливаются из плотной бумаги, натянутой на деревянный каркас. Бумага пропускает рассеянный свет, который в темноте южной ночи привлекает к себе множество мотыльков.
- ¹⁹ Д з ё — мера длины, равная 3,03 м.
- ²⁰ Я м а б у с и — «спящие среди гор», последователи эклектического учения *сё-гэндō*, совмещающего буддийскую, оккультно-даосскую и шаманскую практики. Пользовались репутацией чудодеев и прорицателей, повелевающих стихиями.
- ²¹ Э т и г о и Э т т ю — провинции на западном побережье о. Хонсю.
- ²² Б х а г а в а т — одно из почтительных имен будды Шакьямуни.
- ²³ С в е т л ы й к о р о л ь — Фудō-мёо, один из Пяти почитаемых светлых королей сингон-буддизма. Изображается сидящим на камне в окружении языков пламени. По преданию, Фудō-мёо поклялся одолеть злых демонов.
- ²⁴ А л м а з н о е д и т я (Конгō-дōдзи) — бог-охранитель учения Будды. Изображался в виде мальчика, держащего в руке «алмазный пестик» — двусторонний кистевой трезубец для сражения с силами зла.
- ²⁵ Н е б е с а , д р а к о н ы и я к ш и — три самых могущественных из восьми богов-охранителей учения Будды.

6. О том, как был казнен Тосимото, и о Сукэмицу

Относительно Тосимото-асон было определено: поскольку он является зачинщиком мятежа, его нельзя ссылать в отдаленные провинции, а надлежит в ближайшие же дни в Камакура отрубить ему голову. Однако этот человек соблюдал многолетний обет: 600 раз прочи-

тать вслух «Сутру Лотоса»¹. Теперь ему оставалось прочесть ее еще 200 раз, и он выразил настоятельную просьбу не спешить лишать его жизни, покуда он не исполнит свой обет о шестистах чтениях, — а потом будь что будет.

— Действительно, было бы грешно не позволить ему исполнить такое великое желание, — таков был ответ.

Жалости достойна самая участь человека, который проводит время, подсчитывая ничтожные дни, покуда завершатся эти двести чтений!

Этому асону много лет прислуживал молодой слуга, звали которого Готō Саэмон-но-дзэ Сукэмицу. После того как его господина, Тосимото, арестовали, он поехал с госпожой из Северных покоев² укрыться где-нибудь в Сага³. Но услышав, что Тосимото вызван в Кантō, госпожа поникла от непереносимых дум. При виде того, как она горюет и печалится, и сам нестерпимо опечаленный Сукэмицу тайком отправился в Камакура с письмом от госпожи из Северных покоев.

Расспрашивая по дороге путников, не казнили ль уже его господина, — потому что ходили слухи, что это случится не сегодня-завтра, — Сукэмицу вскоре прибыл в Камакура. Сняв гостиницу по соседству с тем местом, где находился Тосимото, младший толкователь законов из Правых ведомств, стал он разузнавать обо всех мелочах, надеясь получить хоть какие-нибудь сведения о своем господине, — но проходили дни, а надежды его не оправдывались. И вот как-то разнеслась весть: «Сегодня должны казнить узника из Киото, какая жалость!» Сукэмицу был ошеломлен: «Что делать?!» Пошел туда и сюда, посмотрел, послушал: Тосимото уже унесли в «занавешенном паланкине». И отправился он на склон Кэваидзака. Здесь его принял Кудō Дзирō Саэмон-но-дзэ. На холме Кудзухара натянули большой шатер, и он сел там на расстеленную шкуру. Когда Сукэмицу увидел его, он не знал, с чем сравнить охватившее его чувство. В глазах его потемнело, ноги ослабели, дыхание едва не прервалось, однако он с плачем выступил перед господином Кудō и почтительно проговорил:

— Я слуга господина младшего толкователя законов из Правых ведомств. Приехал сюда издалека, для того чтобы с почтением взглянуть на своего господина в его последний миг. Если будет на то Ваше позволение, я пойду к моему господину и покажу ему письмо от госпожи из Северных покоев.

Не успел он это произнести, как залился потоками слез. Глядя на него, и Кудō был охвачен глубоким волнением и не сумел сдержать невольные слезы.

— Я не возражаю. Быстро пройдите в шатер, — разрешил он.

Сукэмицу вошел внутрь шатра и преклонил колени перед своим господином.

Бросив взгляд на Сукэмицу, Тосимото только и молвил:

— Как дела? — и тут же захлебнулся слезами.

— Извольте, вот письмо от госпожи из Северных покоев, — с этими словами Сукэмицу просто положил письмо перед господином, опустил голову и заплакал, ослепнув от своих слез.

Немного погодя, Тосимото вытер слезы и посмотрел на письмо. Густой тушью там было написано о любви, такой глубокой, что не уместается в словах: «Хоть некуда мне деть себя, подобную исчезающей росе, я думаю — когда, в какие сумерки мне сообщат, что настала вечная с Вами разлука; Вам, наверное, и невдомек, какие слезы разрушают мое сердце».

Тосимото не в силах был читать: слезы все больше застилали ему глаза. Из тех, кто видел его, не было человека, который не оросил бы рукава слезами.

— Тушечницу класть? — спросил он, и Сукэмицу поставил перед своим господином походную тушечницу «гнездо для стрелы». Ножичком, находившимся внутри тушечницы, Тосимото отрезал маленький локон своих волос и завернул его в письмо госпожи из Северных покоев, одним движением кисти начертал ответ и передал его в руки Сукэмицу. Сукэмицу, утопая в слезах, поместил его у себя за пазухой — вид у слуги был горестным сверх всякой меры.

Кудō Саэмон, войдя в шатер, поторопил их:

— Прошло слишком много времени! — после чего Тосимото достал сложенный лист бумаги, круговым движением вытер себе шею, потом развернул этот лист и написал на нем «Славословие расставанию с жизнью»⁴.

Исстари так говорится:

«Смерти не существует, не существует и жизни».

На десятках тысяч *ри* растаяли облака,

В бесконечно длинной реке прозрачна вода.

Отложив в сторону кисть, он едва лишь собрался отвести назад боковые локоны, как за спиной у него блеснул меч, и его голова упала вперед, а сам он, будто подхватывая ее руками, упал ничком. Что испытал Сукэмицу, который все это видел, невозможно сравнить ни с чем. Заливаясь слезами, он совершил над мертвым телом своего господина похоронные обряды⁵, повесил себе на шею бранный его прах, забрал с собою прощальное письмо господина и весь в слезах отправился в столицу.

Госпожа из Северных покоев ожидала Сукэмицу. В радости от того, что услышит о судьбе господина толкователя законов, не стыдясь людских глаз, она вышла навстречу слуге из-за бамбуковой шторы и спросила его:

— Ну, как там наш господин? Когда он изволит ответить, что сможет пожаловать в столицу?

Проливая потоки слез, Сукэмицу проговорил:

— Господина казнили. Вот последний его ответ, — потом протянул ей локон и послание и, не сдерживая громких рыданий, заплакал.

Госпожа из Северных покоев взглянула на прощальное письмо и белый прах и, не входя в помещение, повалилась на пол галереи. Казалось, жизнь в ней угасла.

Уж так повелось: печальной бывает разлука, даже когда расстанешься с человеком, которого и сам не знаешь и которому ты незнаком, — просто вы останавливались на ночлег в тени одного дерева и черпали из струй одной реки. Нечего говорить о том случае, когда глубокие клятвы скрепляют людей вот уже более десяти лет. Узнать, что более не увидеться с ним иначе, как во сне, что навсегда разлучился он с этим миром, — достаточная причина для того, чтобы от горя потерять сознание. Совершив буддийские обряды по обычаям сорок девятого дня⁶, госпожа из Северных покоев изменила свой облик⁷: облачилась во все черное и, встречая рассветы и сумерки за дверью из хвороста⁸, стала совершать моления за то, чтобы ее покойный супруг достиг конечного просветления *бодхи*⁹. Сукэмицу тоже обрил себе голову и, надолго затворившись в монастыре на горе Кōя, истово молился за достижение просветления *бодхи* покойным господином в его будущей жизни. Так клятва супругов и долг господина и слуги оставались в силе и после смерти человека — все это трогает душу.

Примечания

- ¹ «Сутра Лотоса» (санскр. *Сад-дхарма-пундарика-сӯтра*, яп. *Мёхō Рэнгэ-кё*) состоит из 28 глав.
- ² Госпожа из Северных покоев — иносказательное обозначение главной жены хозяина усадьбы — по расположению в усадьбе павильона, который она занимала.
- ³ Где-нибудь в Сага — в тексте: «в глубине Сага», района в западной части столицы. В некоторых списках сочинения добавлено: буддийского храма Огура, в других — храма Ниннадзи.
- ⁴ «Славословие расставанию с жизнью» (*Дзисэй-но дзю*) — предсмертное стихотворение буддийского содержания на китайском языке. Разновидность *гатхи*.
- ⁵ Похоронные обряды включали в себя кремацию трупа и чтение молитв в буддийском храме о благополучии усопшего в иных рождениях.
- ⁶ Обычай сорок девятого дня — по буддийским представлениям, в течение 49 дней после своей смерти человек пребывает в промежуточном состоянии между прежней жизнью и новым рождением. Обряды сорок девятого дня предназначены помочь умершему вновь родиться в лучшем облике или достичь нирваны.
- ⁷ Изменила свой облик — стала буддийской монахиней.
- ⁸ Дверь из хвороста — принадлежность хижины буддийского отшельника.
- ⁹ Достигнуть конечного просветления *бодхи* — стать буддой, погрузиться в нирвану.

7. О странных делах в Поднебесной

Весной 2-го года эры правления Каряку¹ монахи-наставники в созерцании из Дайдзёин, павильона Великой колесницы, что находится в Южной столице, и толпы монахов с шести сторон², бывшие между собою в неприязненных отношениях, дошли до вооруженных стычек. Золотой павильон, Павильон для проповедей, южный Круглый па-

вильон и западный Золотой павильон³ из-за военных действий были вмиг охвачены пожаром и сгорели дотла. Кроме того, в 1-м году эры правления Гэнкō⁴ пожар, вызванный военными действиями, пришел от Северной долины Восточных пиков Горных ворот и в одночасье обратил в пепел храм Четырех королей, храм Долгой жизни, Большой павильон для проповедей, павильон Лотоса и павильон Постоянного шествия⁵. От всего этого у людей заledenели души: не знак ли это, предвещающий бедствия в Поднебесной?!

Тем временем в 3-й день 7-й луны того же года⁶ произошло большое землетрясение. Широкий приливной берег Сэнрибама в провинции Кии на двадцать с лишним *тё* вдруг превратился в сушу. Еще одно землетрясение произошло в час Птицы⁷ в 7-й день той же луны; вершина Фудзи разрушилась на несколько сот *дзё*.

Урабэ-но-сукунэ совершал гадание, разогревая на огне панцирь большой черепахи, а профессора в учении о темном и светлом началах, разъясняя гадательные тексты, читали: «Вид у гадательных текстов тревожный; государю надлежит соблюдать крайнюю осторожность». А люди со страхом в сердце думали, что не просто так происходят пожары в буддийских храмах и землетрясения повсеместно, что теперь может случиться что-то поразительное. И действительно, в 22-й день 8-й луны того же года⁸ прошел слух, что в столицу прибыли два посланца Востока в сопровождении трех с лишним тысяч всадников. Не зная, в чем дело и что такое могло случиться в столице, воины из ближних провинций сбегались туда с криками: «И мы, и мы тоже!» В столице ни с того ни с сего поднялся непозволительный гвалт.

Когда оба посланца прибыли в столицу, еще до того, как они открыли шкатулку с предписанием, стали какими-то путями распространяться слухи. В обители Горных ворот передавали: «На этот раз посланцы Востока прибыли в столицу, чтобы увезти государя в отдаленные провинции, а принца из Великой пагоды предать смерти». Поэтому с наступлением ночи 24-го числа 8-й луны от принца из Великой пагоды к государю был снаряжен гонец, которому велели всеподданнейше доложить следующее:

«Мне удалось выведать, что настоящее прибытие восточных посланцев в столицу предпринято для того, чтобы государя сослать в отдаленные провинции, а Сёуна предать смерти. Государю надлежит незамедлительно, нынче же ночью, скрыться в Южной столице. Если отряды злодеев приблизятся к государевой обители прежде, чем будут возведены крепостные стены и собраны верные двору войска, разве не лишится государь преимущества в оборонительном сражении?! Чтобы устранить неприятеля, который находится в Киото, а еще для того, чтобы изведать сердца монахов-воинов, пусть один из приближенных государя с позволения Вашего величества назовет себя Сыном неба и отправится в Горные ворота. Когда же будет оповещено о государевом отбытии, враждебные нам войска, несомненно, направятся к горе Эйдзан и постараются завязать там сражение. Коль скоро это случится,

монахи-воины в тревоге за свою обитель поднимутся, чтобы не щадя жизни оборонять ее в сражении.

Если изматывающие сражения с отрядами злодеев затянутся на несколько дней, Киото, напротив того, смогут занять верные двору войска из провинций Ига, Исэ, Ямато и Кавати, а отряды злодеев не смогут даже повернуть пятки, чтобы совершить свои убийства. Это усилие может оказаться тем единственным, что определяет судьбы государства».

Так и было передано.

Государь всего лишь глубоко изумился, и только. Никакого августейшего волеизъявления не последовало. Он благоволил призвать к себе несколько человек из тех, кто был на ночной страже при дворе, — старшего советника Ин-но Мороката, среднего советника Мадэ-нокодзи-но Фудзифуса, его младшего брата Суэфуса — и спросил:

— Как нам следует с этим делом поступить?

Выступив вперед, вельможный Фудзифуса изволил молвить так:

— Есть благие примеры из прошлого, как на некоторое время отдалить бедствия и поддержать государство, когда мятежные вассалы нарушают долг в отношении государя. Человек по имени Чжун Эр бежал в Чжай⁹, а Таван уехал из Бинь¹⁰. Оба они выполняли долг государей и сообразовали озарить своих потомков сиянием забот об избавлении их от тягот. Если у государя возникли определенного рода намерения, да благоволит он заметить, что уже поздняя ночь и укрываться следует поскорее.

С этими словами для государя подали экипаж, поместили в него священные регалии трех видов¹¹, из-под нижних штор высунули конец шелковой ткани, чтобы показать, будто это — экипаж придворной дамы, потом помогли сесть туда государю и выехали через ворота Солнечного сияния¹².

Воины стражи, охранявшие ворота, остановили экипаж и спросили:

— Кто это изволит ехать?

На это Фудзифуса и Суэфуса, вдвоем сопровождавшие государев экипаж, молвили:

— Это императрица. Изволит под покровом ночи отправляться во дворец в Северных горах.

— Тогда мешать не станем! — и пропустили экипаж.

Средний советник Гэн Томоюки, инспектор и старший советник Кинтоси и младший полководец Рокудзё-но Тадааки догнали его в долине реки в районе Сандзё. От этого места, оставив экипаж, государь изволил пересесть в необычный для себя грубый паланкин и дальше ехать в нем, однако, поскольку дело было неожиданным, носильщиков не оказалось, и августейший паланкин понесли глава налоговой службы двора Сигэясу, придворный музыкант Тоёхара-но Канэаки и телохранитель Хада-но Хисатакэ. Вельможи, составившие государеву свиту, освободились ото всех одежд и головных уборов, заменив их шапочками *эбоси* и *хитатарэ*, простыми куртками на тесемках с шароварами, чтобы выглядеть как сопровождение дамы, со-

вершающей паломничество по семи крупным буддийским храмам, — молодые самураи из столичного дома. Они последовали впереди государева паланкина и позади него.

Когда государь проезжал мимо каменного Дзидзō в Кодзу¹³, едва-едва забрезжил рассвет. Здесь ему был предложен августейший завтрак.

Прежде всего государь изволил въехать в Юго-Восточную обитель в Южной столице¹⁴. Поскольку ее настоятель с самого начала отличался неподдельной верностью государю, первым делом он выведал настроение монастырского братства, не ставя его в известность о государевом выезде. Однако Кэндзицу-сōдзэ из Нисимуро¹⁵ состоял в кровном родстве с людьми из Кантō, а пока продолжается передача сана между такими влиятельными особами, угрозы с их стороны все будут опасаться и у государя не будет сторонников среди братии. Тогда государь решил, что Южная столица — неподходящее место для его пребывания, и на следующий день, 26-го числа, изволил пожаловать на гору Дзюбū в местности Вацука¹⁶. Но из-за того, что это место расположено далеко в горах, удалено от селений и не годится для составления каких-либо планов, государь вызвал паланкин, чтобы отправиться в такое место, которое будет предпочтительным для его сторонников и вредным для врагов. 27-го числа, совершив тайную церемонию для благополучного путешествия, он изволил взять с собою малое число монашеской братии из Южной столицы и отправился в путь к гротам Касоги.

Примечания

¹ 2-й год эры правления Каряку — 1327 г.

² Толпы монахов с шести сторон — имеются в виду монахи из буддийских храмов, расположенных в шести направлениях от г. Нара и подчиненных храму Счастья (Кōфукудзи).

³ Здесь перечислены павильоны храма Кōфукудзи, сооруженные в середине VIII — начале IX в.

⁴ 1-й год эры правления Гэнкō — 1331 г.

⁵ Павильон Постоянного шествия — Дзэгэдō, павильон, где в течение 90 дней совершали ритуальные шествия, сопровождавшиеся возгласием имени Амитабха.

⁶ 3-й день 7-й луны 1-го года эры правления Гэнкō — 6 августа 1331 г.

⁷ Час Птицы — около 6 часов утра.

⁸ 22-й день 8-й луны 1-го года эры правления Гэнкō — 6 августа 1331 г.

⁹ Чжун Эр (697—628 гг. до н. э.) — сын цзиньского вана. Опасаясь наветов со стороны любимой наложницы отца, он бежал на север, где находились земли его матери. Впоследствии, став цзиньским государем, он назывался Вэнь-гуном.

¹⁰ Таван (XIII в. до н. э.) — предок чжоуских государей, который, по преданию, выехал из своих владений, чтобы не подвергать опасности подданных во время нападения варваров.

¹¹ Священные регалии трех видов — меч, яшма и зеркало: символы императорской власти в Японии, передаваемые, по преданию, от богини Солнца

Аматэрасу Ōмиками правящим императором своему преемнику из поколения в поколение.

¹² Ворота Солнечного сияния (Ёмэймон) располагались в боковой, восточной, стене дворцовой стены.

¹³ Дзидзō — японское имя бодхисаттвы Кшитигарбха, покровителя путников. Кодзу — местность к югу от одноименной речки в префектуре Киото.

¹⁴ Павильон в восточной части буддийского храма Тōдайзи, сооруженный в 875 г.

¹⁵ Нисимуро — один из павильонов Тō дайзи, расположенный к северу от Павильона Большого Будды (Дайбуцудэн).

¹⁶ На горе Дзюбū в префектуре Киото находился храм Гора Орлиного пика.

8. О том, как Мороката поднялся в горы, и о сражении на побережье Карасаки

Старший советник, вельможный Ин-но Мороката, в ту ночь, когда государь отбыл из дворца, почтительно сопровождал его величество до речной долины в районе Сандзё, и тогда разные речи изволил молвить принц из Великой пагоды, а именно: «Под видом выезда августейшего поднимись в горные врата, изведай сердца монастырской братии, собери силы и вступай в сражение». Когда он благоволил это молвить, Мороката перед храмом Хоссёдзи облачился в государевы драконовы одеяния¹, пересел в паланкин государя и изволил подняться в Западную пагоду Горных врат. Советник среднего ранга Сидзё-но Такасукэ, генерал Нидзё-но Тамэакира, генерал излевой гвардии Наканоин-но Садахира — все переменили свои одеяния и головные уборы, сделав вид, будто они сопровождают в поездке самого государя. Все выглядело, как настоящая церемония.

Местом пребывания императора сделали павильон Шакьямуни Западной пагоды. Тогда же пустили слух, будто государь, имея свою опору на Горные врата, предпринимает августейший выезд, — и тогда все, не говоря уже о монахах с Сакамото на Горе², вплоть до жителей Ōцу, Мацумото, Тодзу, Хиэцудзи, Ōги, Кинугава, Вани и Катада, — поспешили сюда, стремясь обогнать друг друга. Силы их до отказа заполнили Восточный и Западный павильоны и казались подобными тучам и мгле.

И хотя все так и происходило, в Рокухара ничего этого еще не знали. Когда рассвело, ко двору направились двое посыльных с Востока, намереваясь первым делом препроводить государя в Рокухара, но едва они выехали, как от Гōё, адзари из Дзёримбō³, в Рокухара прибыл гонец, который доложил:

— Сегодня ночью, в час Тигра⁴, государь предпринял высочайший выезд из дворца и избрал августейшей своей опорой Горные врата. Три тысячи воинов из монастырской братии тотчас же поспешили примкнуть к нему. Они решили, что завтра должны напасть на Рокухара, дождавшись подхода сил из провинций Ōми и Этидзэн. Прежде чем все это примет особенно большой размах, срочно направьте ваши силы на Восточный Сакамото. Я ударю по ним с тыла, так что государь непременно будет взят.

Оба главы Рокухара, очень удивившись, отправились во дворец посмотреть: государя там не было; только придворные дамы, тут и там собравшиеся в женских покоях, плакали в голос.

— Государь изволил отбыть к Горным вратам — в этом нет никаких сомнений. Атакуем Горные врата прежде чем там соберутся силы! — решили в Рокухара и добавили к стражам от сорока восьми боевых костров силы из пяти внутренних провинций⁵, пять с лишним тысяч всадников из войск прямого удара были направлены к подножию Сэкисан⁶ и в сторону Сагаримацу. К судье Сасаки Сабурō Токинобу, чиновникулевой дворцовой стражи Кайтō, Нагаи Мунэхира, владельцу провинции Танго, Садатомо, прежнему губернатору провинции Этиго, Хадано Нобумити, прежнему губернатору провинции Кодзукэ, и Токитомо, прежнему губернатору провинции Хитати, присоединились более семи тысяч всадников, и, пройдя через Оцу и Мацумото, они выехали в тыл, в район сосен Карасаки.

По знаку, который давно уже подали в Сакамото, оба настоятеля-принца — один из монастыря Мёхōин и другой из Великой пагоды — ранним вечером поднялись на вершину Восьми принцев⁷ и водрузили там государево знамя, и тогда, начиная с Юдзэна, помощника настоятеля храма Гонсёан той же секты, и адзари Гэнсона из Мёкōбō, с разных сторон стали прибывать всадники — по триста и по пятьсот человек, так что за одну ночь собралась сила более чем в шесть тысяч всадников. Глава секты тэндай впервые снял с себя монашескую смиренную рясу, переменив свой облик на облик воина в прочных доспехах с прочным оружием. На этом месте вдруг изменился спокойный огонь явленного следа⁸, и стало оно местом защиты доблестными воинами, поэтому все пребывали в тяжких раздумиях о том, какою окажется воля богов.

Между тем в Сакамото возникло смятение от слухов о том, будто силы Рокухара здесь продвинулись до почтовой станции Тодзу, — и тогда, не теряя времени на сборы, навстречу неприятелю к побережью Карасаки двинулись квартировавшие в одном месте воодушевившиеся мужи из монастыря Энсёин на южном побережье и из зала Сёгёбō в центральном храме. Все эти воины выступили пешим ходом, но общим числом они не превышали трехсот человек.

Увидев это, Кайтō сказал:

— Силы неприятеля малы. Мы должны рассеять их, прежде чем они умножатся за счет воинов из тыловых лагерей. За мной! — С этими словами обнажил меч длиною в три *сяку* и четыре *сун*⁹, поднял вверх левую руку в доспехах, врезался в самую гущу неприятельского водоворота, троих зарубил и унялся лишь у кромки воды, поджидая соратников, которые следовали за ним.

Все это издали увидел Харима-но Кайдзицу, наставник в монашеской дисциплине из храма Окамото. Он прыгнул к самой кромке воды, выставив вперед щит, и стал подпрыгивать, вращая короткой алебардой в два *сяку* и восемь *сун*¹⁰, будто держал в руке водяное колесо. Кайтō отразил ее рукой для лука¹¹, а другою нанес удар,

желая надвое раскроить наверхие шлема, но удар пришелся мимо, косо полоснув от наплечной пластины к ромбовидной дощечке в нижней части доспехов. Собираясь повторно нанести сильнейший удар, воин угодил левой рукой в стремя и чуть не упал с коня, но потом стал выпрямляться в седле, как вдруг Кайдзицу поднял за рукоять свою алебарду и тут же два или три раза вонзил ее острие ему под шлем, после чего Кайтō, раненный прямо в дыхательное горло, свалился с коня вниз головой.

Кайдзицу тут же прижал ногой пластину на тыльной стороне доспехов Кайтō, ухватил и намотал себе на пальцы его боковой локон, отрезал противнику голову, надел ее на свою алебарду и, радуясь хорошему началу, тому, что убил одного из предводителей воинских домов, остановился, насмехаясь над неприятелем. Тогда неизвестно кто из толпы зрителей, мальчик лет пятнадцати или шестнадцати, с детской стрижкой — кольцом волос на голове, в зеленых доспехах из бамбуковых пластин с бледно-желтым поясом, с высоко поддержнутыми сбоку шароварами, — обнажив отделанный золотом меч, налетел на Кайдзицу и нанес ему изо всех сил три или четыре удара по наверхию шлема. Кайдзицу, обернувшись, сурово глянул на него и увидел ребенка дважды по восемь лет с подведенными бровями и черненными зубами. Убить такого ребенка было бы для монаха делом постыдным.

В то время, когда он, решив не поражать обидчика, стал прыгать и прыгать кругом, быстро вращая рукой с оружием, с намерением изловчиться и выбить рукоятью алебарды из рук мальчика меч, а потом стиснуть его в своих объятьях, — сбоку выпустили стрелу люди с Хэицудзи, которые цепочкой прошли по меже в рисовых полях и внезапно пронзили нагрудную пластину в доспехах этого мальчика. Он тут же рухнул замертво. Потом стали расспрашивать, кто такой он был, и узнали, что мальчик являлся старшим сыном Кайтō по имени Кōвакамаро, не сопровождавший войско, в котором находился его отец, а с чувством еще большей неопределенности шедший по его следам, смешавшись с толпой зевак. Хотя и называли Ковака ребенком, родился он в воинском доме, поэтому, увидев, что его отец сражен, подумал: «Ах, отчего не погиб я в бою на том же бранном поле, оставив после себя славное имя!» Увидев все это, вассалы Кайтō воскликнули:

— Мы, у которых на глазах сражены оба господина, которые к тому же позволили неприятелю забрать их головы, сможем ли мы возвратиться домой живыми?!

Тридцать шесть всадников, выровняв друг с другом удила коней, выехали вперед и вступили в бой, готовые погибнуть, сделав тело господина своим изголовьем.

Увидев это, Кайдзицу расхохотался:

— Это совершенно непонятно! В то время, когда вы должны стремиться получить головы противников, вы хотите забрать эту вашу голову! Вот уж доброе предзнаменование самоубийства воинских домов. Ну, если хотите, — вот она, забирайте! — и с этими словами швыр-

нул голову Кайтō, которую держал у себя, в гущу противников, поклонился в сторону Сакамото и стал рубиться на все восемь сторон, так что полетели искры.

Тридцать шесть всадников, гонимые мечом одного Кайдзицу, не могли остановить своих коней. Позади них выскочил Сасаки Сабурō Хōган Токинобу с приказом:

— Не позволим перебить их! За мной!!! — и его зову повиновались триста с лишним всадников из Иба, Мэкада, Кимура и Мабути. И когда уже стало видно, что Кайдзицу хотят поразить, слева и справа от него с неприятелями скрестили оружие четыре человека: Аку Сануки из павильона Леса коричных деревьев, Косагами из Среднего павильона, Дзёкай, бывший член государевой свиты, наставник в ритуале из павильона Превосходного поведения, и Хōки Дзикигэн из павильона Золотого лотоса — острия их мечей вращались в схватке, образуя замкнутый круг. Когда же на этом месте были сражены Сануки и Дзикигэн, пятьдесят с лишним монахов-воинов из заднего лагеря выстроились в ряд и тоже включились в битву.

К востоку от той местности, что зовется побережьем Карасаки, лежит озеро Бива; его берег был разрушен. На запад от нее расположено глубокое заливное поле, по которому не могли ступать даже конские копыта, кругом широко простиралась песчаная равнина, а дорога была узкой. Бойцы хотели обойти неприятеля — и не смогли; хотели окружить его — и тоже не смогли. Значит, те и другие — и монахи-воины, и их противники — сражались только стоя лицом друг к другу, а силы, находившиеся позади них, оставались простыми зрителями.

Тогда, услышав, что сражение в Карасаки началось, три с лишним тысячи всадников из числа сторонников монастыря Энрякудзи направились в сторону Имамита к лесу Сироки. Больше семи тысяч монахов из главного храма спустились к лесу Санномия. Люди из Вани и Катада сели в триста с лишним лодок и окружили неприятеля в Оцу, стараясь отрезать ему путь назад. Увидев это, воины Рокухара, видимо, подумали, что их надежды вряд ли исполнятся, пересекли путь перед пагодой Эмма в Сига и вышли назад к Имамита. Отряды монахов прекрасно знакомы с местностью, поэтому в конце концов они собрались вместе — кто отсюда, кто оттуда — и ударили изо всех сил. Из воинов никто местности не знал; не разбирая канав и обрывов, понукали они своих коней, не в силах отойти назад.

В это время восемь молодых всадников из числа сторонников Кайтō, отошедшие к заднему лагерю, тринадцать всадников — подданных Хатано, монахи в миру отец и сын Маноно и верховые Хираи Курō с его слугой погибли на дне лощины. Пока судья Сасаки, конь под которым был ранен стрелой, ожидал сменного коня, чтобы пересесть на него, он чуть было не погиб, охваченный слева и справа множеством неприятелей. В это время его молодые сподвижники, дорожившие своим именем и ни во что не ставившие собственные жизни, стали, сопротивляясь неприятелю, отходить назад, то тут, то там по-

гибая от стрел. Тогда Сасаки вышел живым из тьмы смертей и среди бела дня вернулся в столицу.

До тех пор Поднебесная долгое время была спокойной, ушей совсем не касалось слово «война» — и вдруг случились эти страшные события. Тогда все растерялись и зашумели, и не стало места, которое не наполнилось бы слухами, будто теперь небо и земля поменялись местами.

Примечания

- ¹ Драконовы одеяния — церемониальные одежды императора с вышитыми по красному полю солнцем, луной и звездами.
- ² Сакамото — храм на восточной стороне подножья горы Хиэйдзан, на территории г. Оцу.
- ³ Дзёримбō — одна из служб комплекса Энрякудзи.
- ⁴ Час Тигра — промежуток времени от 4 до 6 часов утра.
- ⁵ Пять внутренних провинций — пять провинций р-на Кинай, примыкающие к столице: Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзумо и Сэтцу.
- ⁶ Сэкисан — храм буддийской секты тэндай, сооруженный в 888 г. на месте старой сосны у подножья горы на берегу реки Камо.
- ⁷ Вершина Восьми принцев — гора к северу от Хиэйдзан. Согласно легенде, на нее когда-то сошли с неба восемь потомков богини Солнца Амата-расу Омиками, посланные ею управлять Страной Обильных Рисовых колосьев (одно из древних обозначений Японии).
- ⁸ Явленным следом изначальной сущности, по терминологии эзотерических школ буддизма, считались синтоистские божества, предстающие в особой ипостаси будды и бодхисаттвы.
- ⁹ Три сяку и четыре сун — свыше 103 см.
- ¹⁰ Два сяку и восемь сун — около 85 см.
- ¹¹ Рукой для лука (юндэ) называли левую руку, в которой во время схватки держали лук.

9. О том, как особа из храма Дзимёин совершает высочайший выезд в Рокухара

Беспокоясь, чтобы их не схватили злодеи, потому что в это время Вселенная была полна беспорядков, назавтра, 27-го числа, в час Змеи ¹, старший из монашествующих экс-императоров, живший в храме Дзимёин ², и особа из Весеннего дворца ³, что в поместье на Шестом проспекте, изволили отбыть в северном направлении, в Рокухара. Люди из их свиты: бывший Правый министр князь Имадэгава Канэсуэ, старший советник Сандзё Митиаки, старший советник Сайондзи Киммунэ, бывший советник среднего ранга Хино-но Сукэна, советник Бōдзё Цунэаки, советник Хино-но Сукэакира — все в придворных церемониальных платьях и головных уборах сопровождали августейший экипаж спереди и сзади. Остальные — стражи северной стены, обслуга, чиновники — по большей части надели под охотничьи платья набедренные повязки. Недавно произошли изменения в столице, а уже

шесть армий охраняли знамя с изображением зеленого цветка, принадлежавшее принцу. Видеть и слышать это было поразительно для глаз и ушей.

Примечания

¹ Ч а с З м е и — 10 часов утра.

² В буддийском храме Дзимѣин 35 лет жил в монашестве экс-император Гофусими (правил в 1299—1364).

³ О с о б а из Весеннего дворца — здесь: принц Кадзухито, сын императора Гофусими, впоследствии — император Кōгон (1314—1364).

10. О том, как изменилось настроение в Горных вратах из-за того, что выезд государя не был подлинным, и о Цзи Сине

Толпы монахов из Горных врат, одержав победу в сражении при Карасаки, радовались чрезвычайно тому, что это — доброе начало. И тогда они стали говорить, что назначить Западную пагоду резиденцией государя — это подобно бесчестию для основного храма. В старину, в годы Дзюэй¹, когда экс-император Госиракава² делал своей опорой Горные врата, прежде всего он изволил подняться на гору Ёкава, однако через некоторое время переехал в Южную долину у Восточной пагоды, в обитель Совершенного умиротворения Энъю³. Вот предшествующий образец для подражания, вот добрый пример! Пошлем людей в Западную пагоду передать, что государю следовало бы скорее совершить путешествие в основной храм.

Монахи-воины, посчитав это справедливым, пожаловали к месту пребывания государя, чтобы споспешествовать переезду его величества. Как раз в это время из глубины гор подул сильный ветер, своим порывом поднявший у августейшего штору, и они увидели, что там, где должен находиться драконов лик, государя не было, а находился там старший советник Ин-но Мороката, облаченный в государевы одеяния. Увидев это, монахи возмутились:

— Что это за проделки оборотня?

После этого ни одного человека из прибывшей сюда братии здесь не оказалось. Тогда старший советник Ин-но Мороката, средний советник Сидзѣ-но Такасукэ и генерал Нидзѣ-но Тамэакира, едва наступила полночь, делая вид, что им неизвестны претензии монахов из Горных врат, скрытно покинули Горные врата и были доставлены в гроты Касаги. Тем временем адзари Гōѣ из обители Дзѣрин, чье сердце с самого начала склонялось к воинским домам, захватил в плен управляющего принца из Великой пагоды по имени Тѣсюн, советника среднего ранга и Печать Закона⁴ из обители Агуи, и отправил его в Рокухара. Сōдзу⁵ из храма Госѣин по имени Юдзэн, человек влиятельный среди последователей принца, укреплял единственные ворота в храме Восьми царевичей⁶, и поэтому он, видимо, решил, что этим дело не

закончится. Он взял с собой монахов из своего храма, ему подчиненных, и сдался Рокухара. С этого и началось: побежал один, потом двое — все убежали вниз⁷, и теперь из братии никого не осталось, кроме трех-четырех человек, таких как рисси⁸ Кōримбō Гэнсон, Мёкōбō-но Косагами и отважный рисси Наканобō.

Принц из обители Удивительного Закона и принц из Великой пагоды в тот день до самой ночи имели пребывание все еще в храме Восьми царевичей, но они уже считали, что все складывается плохо и что в конце концов, спасаясь бегством, хорошо бы услышать о судьбе его величества; а 29-го числа среди ночи на вершине Восьми царевичей запылало множество сигнальных огней, показывая неприятелю, что там еще полно людей; сами же настоятели изволили вызвать из рыбацкого поселка Тодзунохама лодки и, взяв для сопровождения троих⁹ оставшихся приверженцев, первым делом поспешили в Исияма.

То, что на этот раз августейшим отпрыскам угодно стало бежать в одно и то же место, было придумано не вполне разумно, а кроме того, принц из обители Удивительного Закона не мог благополучно передвигаться пешком, поэтому он сказал, что некоторое время должен побыть здесь, и после Исияма два принца разъехались. Тот, что из обители Удивительного Закона, направился в Касаги, а тот, что из Великой пагоды, замыслил сначала бежать в сторону Южной столицы, а затем углубиться к верховьям реки Тоцугава.

Бросив даже посты глав почитаемых обителей, изволили они пуститься в неизведанные странствия; жалея о разлуке, которая на этом прерывает связь между Королем-исцелителем и Владыкой горы¹⁰, безрадостно размышляя о том, когда же смогут вновь встретиться друг с другом эти рядом выросшие ветви бамбукового сада¹¹, плача и плача, поехали они порознь — один на восток, другой на запад, оглядываясь друг на друга, покуда не скрылся вдали высокочтимый облик того, с кем разлучился. Как жаль их благородных сердец!

Итак, намерения монастырской братии внезапно переменились из-за того, что в этот раз государь не изволил нанести августейший визит в Горные врата, — и из-за этого не получилось то, что задумано. Несмотря на то, что так оно и есть, если хорошенько поразмыслить о том, что произошло, обнаружится в нем и немалая мудрость.

В старину, после гибели могучего государства Цинь¹², чуский Сан Юй¹³ и ханьский Гао Цзу¹⁴ восемь лет воевали между собою за владение страной; войска сталкивались одно с другим больше семидесяти раз. В каждом из этих сражений победу обычно одерживал Сян Юй, а Гао Цзу много раз попадал в очень трудное положение. Однажды Гао Цзу затворился в крепости Синъян, а Сян Юй окружил эту крепость воинами в несколько сот рядов. Шли дни. В крепости закончилась провизия, воины дошли до истощения, поэтому у Гао Цзу не было сил для того, чтобы сражаться, и не было пути, чтобы спастись бегством.

И тут воин Гао Цзу по имени Цзи Синь, обращаясь к нему, молвил:

— Сян Юй теперь окружил нашу крепость в несколько сот рядов. У ханьцев уже закончилась провизия, ратники дошли до истощения.

Если воинов выпустить из крепости сражаться, ханьцы наверняка окажутся в плену у чусцев. Можно тайно бежать из крепости, но для этого нужно обмануть противника. Ваш подданный просит позволения Вашего величества использовать высокочтимое имя ханьского государя и отправиться в чуский лагерь, чтобы сдаться. Как только чусцы схватят Вашего подданного и ослабят осаду, ханьский государь сможет тотчас же покинуть крепость, снова поднять большое войско и сокрушить чусцев.

Как ни жаль было, что Цзи Синя убьют, когда он вдруг сдастся чусцам, Гао Цзу во благо своего государства не мог к самому себе отнестись легкомысленно. Так что делать было нечего — после того, как Цзи Синь вымолвил это, Гао Цзу, обливаясь слезами и сокрушаясь о их разлуке, последовал его совету.

Очень обрадовавшись, Цзи Синь надел личные августейшие облачения ханьского государя, сел в экипаж, обтянутый желтой тканью, слева к нему прикрепил кисть от бычьего хвоста¹⁵ и с возгласом: «Гао Цзу просит прощения за свою вину и сдается великому государю Чу!» — выехал из западных ворот крепости и двинулся к Чэнгу.

После того как рассвело чусцы рассмотрели пленного ханьского государя — это был не Гао Цзу, а его подданный по имени Цзи Синь. Разгневанный Сян Юй зарубил Цзи Синя.

Вскоре Гао Цзу, предводительствуя воинами из Чэнгу, сам напал на Сян Юя. Сян Юй собрал все свои силы, но в конце концов был убит при Уцзяне, а Гао Цзу, долгие годы верша монаршие дела, стал властелином Поднебесной¹⁶.

Вспомнил ли на этот раз государь подобный благой пример, думал ли и Мороката о такой преданности государю? Цзи Синь, чтобы разомкнуть кольцо неприятеля, обманул его; Мороката замыслил свое, чтобы задержать воинов неприятеля. Хотя в Японии время было иное, чем в стране Хань, чувства государя и подданного совпадали; поистине, такие преданность и честность, которые встречаются раз в тысячу лет, долгое время дают самые разные примеры находчивости.

Примечания

¹ Дзюэй — девиз правления, 1182—1183 гг.

² Госиракава (1125—1192; на престоле: 1156—1158) — 77-й по официальному счету император Японии. После отречения от престола долгое время не выпускал из своих рук фактическую власть. Упомянутый здесь эпизод описан в «Повести о доме Тайра» (XIII в.; русский перевод И. Львовой. М., 1982).

³ Энъю — название покоев настоятеля монастырского комплекса Энрякудзи. Восточная пагода — главная пагода в этом комплексе.

⁴ Печать Закона (*хōин*) — высший сан в буддийской иерархии.

⁵ Сōдзу (букв.: Средоточие священнослужителей) — 4-й по важности чин в буддизме.

⁶ Храм Восьми царевичей (*Хатиōдзи*) — небольшой буддийский храм в восточных предгорьях Хиэйдзан.

⁷ Убежали вниз — покинули гору Хиэйдзан и монастырский комплекс Энрякудзи.

- ⁸ Р и с с и (наставник в монашеской дисциплине) — следующий после сōдзу монашеский чин.
- ⁹ Т р о и х — в некоторых списках *Тайхэйки* значатся «три сотни». Очевидно, это описка: вместо знака «4» записано «100»; такое толкование подтверждается и предыдущим текстом. По-видимому, в протографе было написано «3—4», что по признаку внешнего подобия и привело к ошибочному написанию.
- ¹⁰ К о р о л ь - и с ц е л и т е л ь, В л а д ы к а Г о р ы — иносказание: вместо имен принцев приведены завуалированные имена будды Якуси-нёрай (санскр. Бхайшаджья-гуру) и духа горы Хиэйдзан, культу которых посвящены те обители, которые они возглавляли.
- ¹¹ В е т в и б а м б у к о в о г о с а д а — потомки императора.
- ¹² Ц и н ь — название государства в древнем Китае, 221 — 206 гг. до н. э.
- ¹³ Ч у — название удела в древнем Китае. С а н Ю й — имя чуского вана, 232 — 202 гг. до н. э.
- ¹⁴ Г а о Ц з у — имя ханьского государя, 247 — 195 гг. до н. э.
- ¹⁵ Э к и п а ж, о б т я н у т ы й ж е л т о й ш е л к о в о й т к а н ь ю, и з н а м я и з х в о с т а ч е р н о г о б ы к а — знаки монаршей власти в древнем Китае.
- ¹⁶ П о д н е б е с н а я — здесь: Китай. Описанный эпизод взят из «Исторических записок» Сыма Цяня (145 г. до н. э. — ?).

Перевод с японского и примечания
В. Н. Горегляда